

Русскій Вѣстникъ. № 10, 1862 г. Октябрь.
Т. 41.

РУССКІЙ
БОГАТЫРСКІЙ ЭПОСЪ*)

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ.
Народныя былины, старинныя
побывальщины. Двѣ части. Москва. 1861—
1862—г., въ 8 д. л.

Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ.
Изданы Обществомъ Любителей
Россійской Словесности. Четыре выпуска.
1860—1862 г., въ 8 д. л.

VIII.

Познакомившись съ общимъ типомъ
младшихъ богатырей, слѣдуетъ взглянуть
въ характеристическія примѣты, если не
всѣхъ ихъ, чтобы не утомить вниманія

*) См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 3 и 9.

читателя, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ болѣе видныхъ и главнѣйшихъ.

Самъ народный эпосъ помогаетъ въ этомъ дѣлѣ, не разъ отмѣчая то того, то другаго богатыря краткою и мѣткою характеристикою, вошедшею въ постоянный эпитетъ. Значить, индивидуальныя характеры богатырей въ точности обозначились въ сознаниі народа, какъ рѣзко опредѣленныя личности, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ различныя стороны того идеала, какой олицетворяетъ себѣ русскій народъ въ поэтическомъ типѣ богатыря.

Илью Муромца отмѣчаетъ народный эпосъ силою, ухваткою и возрастомъ, а также таланомъ—участью; Чурилу Пленковича походкою щепливою и щегольствомъ, интересующимъ

523

женскій полъ; Дюка Степановича — имѣньемъ—богатствомъ, которымъ онъ превзошелъ самого князя Владиміра; Потока Михайлу Ивановича — богатырскою

поѣздкою на добромъ конѣ; но съ особенною полнотою характеризуетъ эпосъ индивидуальныя особенности Добрыни Никитича и Алеши Поповича. Нѣтъ никого въ Кіевѣ смѣлѣе Алеша и вѣжливѣе Добрыни, который отличается также тишиною, уговоромъ, смиренъицемъ. У него вѣжество и врожденное и обученное:

У него рѣчи привѣтливы,
У него рѣчи умильныя,
Онъ прельститъ и уговоритъ.

Добрыня обыкновенно выбирался въ послы для самыхъ трудныхъ и щекотливыхъ переговоровъ, потому что онъ говоритъ гораздъ, въ рѣчахъ разуменъ, съ гостями почетливъ, а сверхъ того и грамотою востеръ. Алеша Поповичъ съ смѣлостью соединяетъ въ своемъ характерѣ задоръ и запальчивость: онъ «зарывчатъ». Ко всему этому онъ «бабій пересмѣшникъ и судейскій прелестникъ», сутяга, лгунъ клеветникъ¹.

¹ См. въ замѣткѣ ко II-й части Пѣсенъ Рыбник. стр. 38—41. А также Рыбник. I, 76. 120 — II, 337. Кирѣевск. II, 5.

Мѣстность, откуда богатырь былъ родомъ, и сословіе, къ которому принадлежалъ, безъ сомнѣнія, оказали свою долю вліянія на индивидуальныя качества богатырскихъ личностей. Вѣжливость и образованіе Добрыни соотвѣтствуютъ его княжескому происхожденію. Первоначально эпосъ воспѣвалъ въ немъ, вѣроятно, брата Малуши, ключницы Ольгиной, отъ которой родился князь Владиміръ. Отецъ его былъ родомъ изъ Любеча. Можетъ-быть, во времена Нестора ходили о Добрынѣ эпическія былины, внесенныя имъ въ лѣтопись, именно о томъ какъ Добрыня ставилъ истукановъ въ Новѣгородѣ, и какъ вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ преслѣдовалъ и обиралъ лапотниковъ. Но въ послѣдствіи, позднѣйшія лѣтописи, согласно съ былинами, называютъ Добрыню Рязанцемъ, и даютъ ему прозвище Златой Поясъ. Какъ эпосъ переводитъ богатырей Владиміровыхъ въ періодъ татарскій, такъ и лѣтописи заставляютъ этого Добрыню Рязанца и какого-то Александра Поповича

524

съ его слугою Торопомъ и семидесятью богатырями драться на Калкъ съ Татарами, которые будтобы всѣхъ ихъ побили². Если подь Александромъ Поповичемъ надобно разумѣть пѣсеннаго Алешу, то и лѣтопись, также какъ и былина, сближаетъ судьбу и подвиги этого богатыря съ Добрынею.

Рязань вмѣстѣ съ Муромомъ даютъ мѣстныя, эпическія краски извѣстной муромской легендѣ о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи, которая, какъ мы уже знаемъ, была родомъ изъ рязанскихъ крестьянъ. Если Муромская область соединила свои поэтическія преданія съ крестьянскимъ идеаломъ Ильи Муромца, то сосѣдняя съ нею область Рязанская усвоила себѣ идеаль княжескій въ лицѣ вѣжливаго и грамотнаго Добрыни Никитича. Ростовъ съ давнихъ временъ славился своими церковными преданіями, связывающими утверждене христіанства въ

² Лѣтописныя свидѣтельства. См. въ примѣч. ко 2-му выпуску пѣсенъ Кирѣевск., стр. 17.

этомъ городѣ съ самыми ранними сказаніями о Кіево–печерскомъ монастырѣ. Въ XIII и XIV вѣкахъ этотъ же городъ особенно отличался сильнымъ вліяніемъ духовенства, находившаго себѣ поддержку въ покровительствѣ татарскихъ хановъ, въ теченіе столѣтней борьбы съ мѣстными князьями, какъ въ подробности свидѣтельствуется о томъ ростовская легенда о Петрѣ Царевичѣ Ордынскомъ³. Если Сергій Радонежскій съ своими грамотными и дѣятельными учениками оказалъ не малое содѣйствіе въ просвѣщеніи Москвы, то надобно припомнить, что онъ родомъ былъ изъ Ростовской области, откуда его благочестивая фамилія выселилась въ предѣлы Радонежскіе. Даже самъ Новгородъ, знаменитый, по тогдашнему, своею образованностью, въ XV вѣкѣ заимствовался книжными сокровищами изъ Ростова, гдѣ искалъ себѣ многихъ рѣдкихъ книгъ новгородскій архіепископъ Геннадій. Въ народѣ доселѣ славится Ростовъ своими

³ См. во II-мъ томѣ моихъ Историч. Очерковъ .

церквами и крестами. «Їздиль чортъ въ Ростовъ, говоритъ пословица, да испугался крестовъ»⁴. Народный эпосъ, всегда вѣрный историческимъ и мѣстнымъ преданіямъ, знаетъ въ Ростовѣ стараго попа

525

соборного, сыномъ котораго былъ знаменитый Алеша Поповичъ.

Если личность этого богатыря изображается особенно не въ выгодномъ свѣтѣ, сравнительно съ другими его товарищами, то это слѣдуетъ приписать, конечно, той причинѣ, что онъ, покинувъ домъ своего почтеннаго отца, промѣнялъ званіе церковнослужителя на бродяжничество. Сначала, въ древнѣйшихъ былинахъ, какъ богатырь—убійца Тугарина Зміевича, Алеша Поповичъ могъ имѣть какое нибудь иное значеніе, независимое отъ столкновеній между сословіями, но въ послѣдствіи онъ сталъ представителемъ тѣхъ пролетаріевъ изъ церковнаго званія, изъ которыхъ

⁴ Даля, *Пословицы*. Стр. 351.

выходятъ авантюристы разнаго сорта, и о которыхъ, судя по пословицамъ, народъ имѣеть не очень выгодное понятіе.

Какъ мало Алеша воспользовался выгодами своего происхожденія видно изъ того, что онъ даже не выучился у отца своего грамотѣ⁵. Когда онъ съ Екимомъ Ивановичемъ, выѣхавши изъ Ростова, увидѣль на перекресткѣ камень съ подписью, то не умѣль самъ прочесть ее, а заставилъ своего товарища, называя его «въ грамотѣ поученымъ человѣкомъ». На камнѣ были означены три дороги: одна въ Муромъ, другая въ Черниговъ, третья въ Кіевъ. Товарищи выѣхали, какъ видно, безъ всякой цѣли, просто бродяжничаютъ; потому что Екимъ спрашиваетъ: «Куда же намъ ѣхать?» «А поѣдемъ лучше къ городу Кіеву, отвѣчаетъ Алеша, къ ласковому князю Владиміру».

Другіе богатыри открыто вступаютъ въ честный бой съ своими врагами; Алеша норовитъ убить украдкою. Уже только что пустился онъ на богатырскіе подвиги,

⁵ Кириш. Данил. У Киришевск. II, 70.

тотчасъ же поднялся на хитрости. Перерядился въ платьѣ калики перехожаго, съ тѣмъ чтобъ убить Тугарина врасплохъ. Но тутъ онъ его только зашибъ, а убиваетъ уже въ другой разъ, и опять также нечестно. Рѣшено было между ними драться одинъ на одинъ. Тугаринъ дѣйствительно одинъ и явился; но Алеша, чтобы заставить его обернуться назадъ, вдругъ закричалъ ему: «зачѣмъ же это ты привелъ съ собою подмогу?» Тугаринъ оглянулся назадъ, а Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ.

526

Хоть и нечестно одолѣлъ богатырь этого врага, но съ тѣхъ поръ прославился при дворѣ князя Владиміра, какъ убійца Тугарина Зміевича.

Еще въ худшемъ свѣтѣ является Алеша въ своихъ интригахъ съ женскимъ поломъ. Вѣроятно, уже при дворѣ княженецкомъ, между богатырскою дружиною, на первыхъ же порахъ прослылъ онъ «бабьимъ

пересмѣшникомъ», по поводу тѣхъ насмѣшекъ, которыми онъ безпощадно преслѣдовалъ самое княгиню Апраксѣевну за ея преступную связь съ Тугаринымъ.

Издѣваться надъ женщиною и срамить ее — было для Алеши ни по чемъ. Точно будто для того и заводилъ онъ любовныя интриги, чтобы потомъ самому же огласить скандалъ. Однажды хвалились двое братьевъ своею родною сестрою, что она и пригожа и скромна, на улицу не ходитъ, въ хороводы не играетъ, даже въ окошко не смотреть, бѣлаго лица не кажетъ. Случился тутъ Алеша, и съ безстыднымъ цинизмомъ, безъ всякой побудительной причины, разгласилъ передъ братьями, что онъ частенько посѣщаетъ ихъ пригожую сестру. Братья срубили сестрѣ голову, и —

Покатилась головка

Алешенькѣ подъ ножки.

А Богъ суди Алешу:

Не даль пожить на свѣтѣ⁶.

Особенно обезславился Алеша Поповичъ своими фальшивыми продѣлками въ

⁶ Кирѣевск. II, 64.

сѣмействѣ Добрыни Никитича⁷. Мы уже познакомились съ величавою личностью супруги Добрыниной, Настасьи Микуличны. Вышедши замужъ, она покинула свои воинскіе обычаи, даже будто утратила прежнюю великанскую силу, и стала кроткою и покорною супругою, существомъ вполнѣ женственнымъ, любящимъ и преданнымъ. Хозяйствомъ въ домѣ распоряжается ея свекровь, матера вдова, которую былина называетъ иногда Амелфою Тимоѳеевною, иногда другими именами. Она же учитъ свою невѣстку уму–разуму. Добрыня безпрекословно повинуется своей матери, уважаетъ ее и горячо любить. Семейное благоденствіе Добрыни было нарушено его

527

многолѣтнею отлучкою. Князь послалъ его на разные богатырскіе подвиги. Добрыня наскоро собирается въ путь, и прощается

⁷ Кирѣвск. II. 11. 31. Рыбник. I, 130, II, 22.

съ своею матерю и женою. И провожала Добрыню его родная матушка, простилась съ нимъ и воротилась, домой пошла, сама плакала; стала по палатамъ похаживать, стала жалобно голосить съ причитаніями. А между тѣмъ, Настасья Микулична сидитъ, не тронется съ мѣста; поражена ли она была и глубоко огорчена нечаянною разлукою съ мужемъ, или просто сконфузилась, и отъ непривычки ласкаться къ мужу при людяхъ, въ наивности своей не знаетъ что ей дѣлать и что сказать. Тогда Амелфа Тимоѳеевна, обратившись къ ней, внушительно говорила, уча уму-разуму: «Молодая Настасья Микулична! Что жъ ты сидишь да высиживаешь? Что же ты не спрашиваешь Добрынюшку, надолго ли ѣдетъ онъ во чисто поле, долго ли намъ ждать его изъ чиста поля?» Тутъ Настасья Микулична скоро побѣжала на широкій дворъ, брала Добрыню за бѣлыя руки, цѣловала его въ уста, провожала его у праваго стремени, а сама спрашивала: «Мужъ мой любезный Добрыня Никитичъ! Надолго ли уѣзжаешь, долго ли намъ ждать

тебя?» Добрыня наказываетъ ждать три года, и еще три года, а потомъ «хоть вдовой сиди, хоть замужъ иди», присовокупляетъ онъ: «Только не ходи за Алешу Поповича: онъ бабій пересмѣшникъ и пустохвасть, пустымъ хвастаетъ».

Уѣхаль Добрыня. Жена ждетъ его годъ, другой, третій. Время незамѣтно идетъ:

Какъ день за днемъ, будто дождь
дожжитъ,

Недѣля за недѣлей, какъ трава растеть,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.

Прошло тому времени да три года:

Не бываль Добрыня изъ чиста поля.

И опять дождь дожжитъ, и трава растеть,
опять по прежнему рѣка бѣжитъ. Прошло
еще три года, а Добрыни все нѣтъ.

Настасья Микулична честно исполнила
заповѣдь мужнюю, прождала шесть годовъ;
потомъ наложила на себя свою заповѣдь
женскую, ждетъ еще шесть годовъ. Между
тѣмъ сватается къ ней Алеша Поповичъ, и
разказываетъ такую выдумку: «Быль я въ
чистомъ полѣ: по примѣтамъ знать, что
Добрынюшки въ живыхъ нѣтъ. Голова у

528

Добрыни отсѣчена, отъ туловища откатилась. Выклевали вороны ясны очи, даже травы проросли сквозь ясныя очи, и цвѣтуть цвѣты лазоревы». Долго Настасья отказывалась, наконецъ принуждена была силою и угрозою отъ самого князя Владиміра, и повѣнчалась съ Алешей Поповичемъ. Но только что ихъ привели отъ вѣнца, возвращается въ Кіевъ самъ Добрыня. Онъ такъ измѣнился, что сама мать до тѣхъ поръ не могла его признать пока не увидѣла у него подъ правою пазухою родимаго пятнышка. Точно также по примѣтѣ узнають возвратившагося домой Одиссея: обыкновенный эпическій мотивъ. Пиръ для свадьбы Алешиной устроилъ у себя самъ князь Владиміръ. Добрыня идетъ туда, переряженный скоморохомъ, и Настасья узнавъ въ немъ своего мужа черезъ посредство золотого кольца, которое онъ опустилъ ей въ кубокъ (опять обыкновенный эпическій мотивъ),

скочила черезъ дубовый столъ, и упавши къ ногамъ Добрыни, стала слезно умолять его:

Мила моя ладушка,
Крѣпкая сдержавушка, стѣна городова,
Изъ—по имени Добрынюшка Никитичъ!
Прости меня во винности и во глупости,
Во всякихъ во проступочкахъ!
Возьми меня за волосы за женскіе,
Привяжи меня ко стремени сѣдельному,
Поразмыкай меня по чисту полю!

Какъ кажется, Добрыню тронули эти искреннія выраженія отчаянія и раскаянія. По крайней мѣрѣ всю вину въ этомъ дѣлѣ онъ снимаетъ съ нея на другихъ. Онъ говоритъ женѣ:

Что не дивую я разуму—то женскому
Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ,
Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ;
А дивую я солнышку Владиміру
Съ молодой княгиней со Апраксіей:
Солнышко Владиміръ тотъ тутъ сватомъ
былъ,

А княгиня Апраксія свахою,
Они у живаго мужа жену просватали.

Дѣло эта было такое негодное, что по свидѣтельству былины «туть солнышку Владиміру стыду пришло.» Мы уже не разъ видѣли участіе князя въ неправыхъ дѣлахъ, даже въ преступленіи: но народный эпосъ постоянно

529

отдаетъ ему справедливость въ томъ, что онъ сознается въ своей винѣ и стыдится дурныхъ поступковъ.

Послѣ того просить у Добрыни прощенія самъ Алеша Поповичъ, но какъ-то нахально, иронически: «Прости, говоритъ онъ, братецъ названный, что я посидѣлъ подлѣ твоей любимой жены Настасьи Микуличны.» Добрыня тоже называетъ его братцемъ, и охотно прощаетъ его въ этой винѣ; но никогда не проститъ ему другой вины, объясняя ее въ слѣдующихъ словахъ, проникнутыхъ самою нѣжною и преданною любовью сыновнею:

А во другой винѣ тебѣ, братецъ, не
прощу;
Какъ прѣзжалъ ты изъ чиста поля въ
первыхъ шесть лѣтъ,
Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрыни Никитича,
Убитъ лежитъ въ чистомъ полѣ,
Буйна голова испроломана,
Могучи плечи испрострѣлены,
Головой лежитъ чрезъ ракетовъ кустъ:
Такъ тогда государыня родна матушка
Жалешенько по мнѣ плакала,
Слезила свои очи ясныя,
Скорбила свое лицо бѣлое:
Этой вины тебѣ не прощу.

Потомъ онъ ухватилъ Алешку за желтыя
кудри, выдернулъ его черезъ дубовый
столь, бросалъ о кирпичатой полѣ, пнулъ
его подъ лавку. Былина казнить негодяя
срамомъ и общимъ презрѣніемъ:

Съ того стыду да со сорому
Пошелъ Алеша ва чужую дальнюю
сторону.

Народный эпосъ, давая предпочтеніе Добрынѣ передъ Алешею въ нравственномъ отношеніи, кажется, склоненъ къ тому, чтобы заслонить и богатырскій подвигъ послѣдняго въ убіеніи Тугарина Зміевича знаменитымъ подвигомъ Добрыни въ очищеніи Русской земли отъ страшнаго Змія Горынича и всего его змѣинаго отродья, между которымъ могъ подразумеваться и Тугаринъ Зміевичъ, то— есть, одинъ изъ сыновей Змія. Пресловутый подвигъ уже на роду былъ написанъ Добрынѣ Никитичу:

А стары люди пророчили,
Что быть Змѣю убитому
Отъ молода Добрынюшки Никитича.

530

Этотъ змѣй въ былинахъ называется то просто Зміемъ, то ворономъ, то невѣжею, то даже Тугаринымъ. Когда еще Добрыня жилъ въ Рязани у своей матери, такъ она говорила ему объ этомъ чудовищѣ:

Дитя ты мое, чадо милое!

Невѣжа—то среди дня летаетъ чернымъ
ворономъ,
По ночамъ ходитъ Змѣемъ
Тугариновымъ,
А по зорямъ ходитъ добрымъ
молодцемъ.

Берегись ты отъ Невѣжи Черна Ворона.

Не обманомъ, какъ Алеша, убиваетъ
Добрыня это чудовище, а отчаянною
борьбою, открытымъ боемъ на волнахъ
Почай, или Израй—рѣки; потому что
Добрыня, какъ старинный Варягъ—
мореходецъ, «Дохоць былъ ныркомъ
нырять.» Если Алеша убиваетъ, въ лицѣ
Тугарина, любовника княгини Апраксіевны,
то Добрыня болѣе существенную услугу
оказываетъ Владиміру, спасая изъ плѣна
отъ Змія Горынича его княженецкую сестру
Марью Дивовну или его племянницу Запаву
Путятишну. Разсѣкши Змія на мелкія
части, Добрыня сожигаетъ его на огнѣ⁸.

Убіеніе Змія относится къ самымъ раннимъ
подвигамъ Добрыни, совершеннымъ еще на
родинѣ. Явившись ко двору князя

⁸ Кирѣевск. II, 51. 26. Рыбник. II, 16. 17.

Владиміра, онъ уже могъ засвидѣтельствовать всѣмъ и каждому о своемъ богатырскомъ дѣлѣ, привезши съ собою изъ плѣну княженецкую родственницу. Этотъ подвигъ, какъ кажется, составляетъ первоначальное зерно, изъ котораго потомъ развивался эпическій типъ Добрыни. Затѣмъ, его встрѣча съ богатырскою невѣстой и наконецъ семейныя несчастія, по проискамъ Алеши, все это способствовало въ высокой степени къ возбужденію и поддержанію живѣйшей симпатіи народа къ свѣтлой личности Добрыни Никитича, котораго, послѣ муромскаго крестьянина, безъ сомнѣнія, надобно признать главнѣйшимъ между богатырями цикла Владимірова. Въ послѣдствіи, столкновенія между сословіями могли набросить нѣкоторую тѣнь на его княжескій характеръ, однако не настолько, чтобы заглушить въ немъ ранніе начатки русской цивилизаціи, наивно обозначаемые въ былинахъ вѣжествомъ. Это вѣжество такъ

срослось съ эпическимъ типомъ Добрыни,
что

531

даже самъ Змій, котораго поражаетъ этотъ богатырь, есть не только разрушительное чудовище, фантастическій призракъ миѳической старины, но и престаивитель грубаго невѣжества, почему и называется невѣжею.

IX.

Стольный городъ Кіевъ, сосредоточивая въ себѣ областныя національныя силы древней Руси, грубыя и невоздѣланныя, не только давалъ имъ нѣкоторую политическую организацію въ богатырской дружинѣ князя Владиміра, но и образовывалъ ихъ, приводя ихъ въ живительное столкновение другъ съ другомъ, вводя въ интересы зачинавшейся на Руси исторической жизни, а также сближая ихъ съ сосѣдними странами и чуждыми народами и знакомя съ

иноземнымъ вліяніемъ. Уже съ древнѣйшихъ временъ въ Кіевѣ много было заѣзжихъ иностранцевъ, между которыми Слово о полку Игоревѣ называетъ Нѣмцевъ, Венеціанъ, Грековъ. Владиміръ Мономахъ въ своемъ Поученіи дѣтямъ свидѣтельствуєтъ, что отецъ его, живя дома, могъ выучиться говорить на пяти языкахъ. Кіевскій Патерикъ повѣствуетъ о варяжскихъ, то-есть, норманскихъ пещерахъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, о сношеніи монашествующихъ съ Армянами, Ляхами. Народный эпосъ, подкрѣпляя свидѣтельства историческихъ памятниковъ, до нашихъ временъ поддерживаєтъ въ народѣ убѣжденіе, что Кіевъ былъ для русскихъ богатырей проводникомъ иноземнаго образованія. Въ числѣ ихъ были богатыри заѣзжіе, то-есть прибывшіе изъ чужихъ земель, какъ напримѣръ, Соловей Будиміровичъ, съ кораблемъ котораго мы уже знакомы по подробному эпическому описанію. Какъ иностранецъ, онъ удивляетъ князя Владиміра и его княгиню заморскими

подарками, строить дотолѣ не бывалыя въ Кіевѣ палаты, и вошедши къ князю въ любовь, женится на его племянницѣ, Запавѣ Путятишнѣ. Другіе богатыри сами совершали отдаленныя поѣздки. Такъ Дунай «много земель знавалъ», потому онъ и «говорить гораздъ»; Добрыня ѣздилъ въ Царьградъ. Есть цѣлая былина о походѣ въ этотъ городъ и другихъ богатырей Владиміровыхъ. Разширяя поприще богатырскимъ подвигамъ,

532

народный эпосъ называетъ царства: индѣйское, латинское, сорочинское и др.; часто упоминаетъ объ иностранномъ одѣяніи, о латинскомъ платьѣ, о колпакахъ и шляпахъ греческихъ⁹. Особенно часто встрѣчаются любопытныя намеки на сношенія кievской Руси съ Польшею, Литвою и съ Вольнемъ Галицкимъ. Эпосъ знаетъ царство литовское. Дунай жилъ у короля литовскаго три года въ конюхахъ,

⁹ Рыбник. I, 188. Кирѣевск. II, 33. 35. — IV, 25 — III, 113. Рыбник. I, 63. 236. Кирѣевск. II, 7. 25. 50. 72.

чашникахъ и стольникахъ; иногда этотъ король называется Ляховинскимъ, то—есть, Ляшскимъ, Ставръ Годиновичъ, женатый на извѣстной уже намъ Василисѣ Микуличнѣ, былъ родомъ изъ богатой земли Ляховецкой. Потокъ Михайло Ивановичъ однажды выигралъ въ шахматы у Короля ляховецкаго его польскую державу. Самъ Илья Муромецъ былъ подъ городомъ Кряковымъ (Краковъ?) и освободилъ его отъ враговъ; также былъ въ связи съ какою—то литовскою королевой¹⁰. Въ изданіи г. Рыбникова есть цѣлая былина о двухъ королевичахъ изъ Крякова, также о двухъ литовскихъ королевичахъ.

Черниговъ, также какъ Литва или Галичъ, представляется самостоятельнымъ княжествомъ, враждебнымъ городу Кіеву. Въ Черниговѣ царствуетъ какой—то царь Черниговъ или Черниговецъ, у котораго богатырь Иванъ Годиновичъ служилъ въ столовыхъ ключникахъ, и потомъ увезъ дочь, царевну Авдотью Лебедь Бѣлую. Извѣстная уже намъ былина о томъ, какъ

¹⁰ Рыбник. I, 180. 24<?>. — II, 65. Кирѣевск. III, 54. IV, 4.

князь Владиміръ хотѣлъ отнять себѣ жену Данилы Денисьевича, есть не что иное, какъ одинъ изъ эпизодовъ борьбы Кіева съ Черниговомъ. Когда Владиміръ выслалъ противъ Чернигова войско, Данило сказалъ то же самое что обыкновенно говаривали древніе князья періода междоусобій:

Еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано;
Брать на брата съ боемъ идетъ?

Въ Кіевѣ иногда случался какой-то владыка черниговскій. Онъ обыкновенно одинъ держитъ закладъ противъ князя Владиміра и всей его дружины въ спорѣ о состязаніи богатырей между собою. Однажды, выигравши закладъ, черниговскій владыка тотчасъ же —

533

Велѣлъ захватить три корабля на
быстромъ Днѣпрѣ,
Велѣлъ похватать корабли
Съ тѣми товары заморскими:

А князи, де, и бояра никуда отъ насъ не уйдуть¹¹.

Нѣтъ сомнѣнія, что расширеніе кievскаго горизонта иноземнымъ вліяніемъ и частыми сношеніями съ чужими землями должно было внести въ народный эпосъ новое, богатое содержаніе, и отразиться новыми чертами въ характеристикѣ и самого князя, и нѣкоторыхъ изъ его богатырей.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны былины о Чурилѣ Пленковичѣ и Дюкѣ Степановичѣ, въ высшей степени изящныя по эпическому изложенію и столько же важныя для исторіи внутренняго быта древней Руси. Оба богатыря, соперники въ богатствѣ и щегольствѣ, и оба заѣзжіе: Чурила изъ Малаго Кіевца, Дюкъ изъ Вольцна, Красна-Галичья, или какъ поется въ иныхъ былинахъ, —

— изъ Галицы проклятыя,
Изъ тоя Индѣюшки богатыя,
Со славнаго съ богата Вольнѣ-города.

¹¹ Кирѣевск. III, 5. 8. 12. 20. 37. — II, 77.

Галицкая земля представляется баснословною страной несмѣтнаго богатства и роскоши, потому и смѣшивается съ Индіею богатой. Кіевъ ей завидуетъ, и въ отношеніи къ удобствамъ цивилизаціи долженъ бы многимъ отъ нея позаимствоваться. Князь Владиміръ жадно бросается на нее, какъ могущественный завоеватель; но его грубая сила встрѣчаетъ себѣ отпоръ въ неистощимыхъ средствахъ, какія умѣетъ противопоставить образованіе невѣжеству. Таковъ общій смыслъ этихъ былинъ о сношеніяхъ Кіева съ галицкою Русью, согласный съ свидѣтельствами лѣтописей объ успѣхахъ просвѣщенія въ этой странѣ, рано оказавшихся подъ вліяніемъ европейскимъ.

Обращаясь къ самимъ былинамъ, сначала надобно познакомиться съ Чурилою Пленковичемъ.

Однажды являются передъ князя Владиміра, толпа за толпою, нѣсколько сотъ удалыхъ молодцовъ, избитые и израненные, и увѣдомляютъ, что

отправившись, по его повелѣнію, на рыбную ловлю и охоту, они ничего ужь не могли

534

добыть: все поыловлено храброю дружиной нѣкоего Чурилы Пленковича, который живетъ въ Маломъ Кіевцѣ, на рѣкѣ но Сорогѣ.

Итакъ, Чурило Пленковичъ — лицо самостоятельное, какъ бы удѣльный князь, съ собственною дружиной. Чтобы подчинить его своему вліянію, Владиміръ отправляется къ нему въ гости.

Дворъ у него (у Чурилы) на семи верстахъ,

Около двора желѣзный тынь,

На всякой тынинкѣ по маковкѣ,

А и есть по жемчужинкѣ...

Первыя у него ворота вальящатыя,

Другія ворота хрустальныя,

Третьи ворота оловяныя...

Среди двора свѣтлицы стоятъ.

Чурилы дома не случилось. Князя встрѣчаетъ отецъ богатыря, самъ Плень, или Пленчище Сорожанинъ, и ведетъ его —

Во сѣни ведетъ во рѣшетчатая,
Во другія ведетъ часто—берчатая,
Во третьи ведетъ во стекольчатая,
И въ терема ведетъ златоверхіе.

И такому—то князь диву дивуется:

На небѣ солнце — и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ — и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды — и въ теремѣ звѣзды,
На небѣ зори — и въ теремѣ зори:

Все въ терему по небесному.

Является и Чурило съ своею щегольской дружиной; но самъ онъ всѣхъ щеголеватѣе и красивѣе: у него —

Волосанки — золота дуга, серебряная,
Шея у Чурилы будто бѣлый снѣгъ,
А личико будто маковъ цвѣтъ
Очи будто у ясна сокола,
Брови будто у черна соболя.
Съ коня на на конь перескакиваетъ,
У молодцовъ шапочки подхватываетъ,
На головушки покладываетъ.

Юность самая свѣжая и задорная такъ и пышетъ въ этомъ игривомъ типѣ народнаго эпоса! Въ описаніи костюма Чурилы и его дружины, пѣвецъ особенное вниманіе

535

обращаетъ на ихъ модные сапоги, востроносые и на высокихъ коблукахъ (это была дружина не лапотная):

Сапожки на ножкахъ зеленъ—сафьянъ,
Носы по носъ шиломъ, пяты востры.
Около носовъ—носовъ яйцо покати,
Подъ пята—пята воробышко летить,
Воробышко летить, перепуркиваетъ.

Князь Владиміръ находитъ, что такому хвату не подобаешь въ деревнѣ жить: «Подобаешь тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить, князю служить!» и беретъ его къ себѣ въ Кіевъ, сначала въ званіи придворнаго постельника:

Чтобъ стлалъ онъ (князю) перину
пуховую,
И кладалъ бы зголовьице высокое,

И сидѣль бы у зголовьица високаго,
Играль бы въ гусельшки яровчаты,
И спотѣшалъ бы князя Владиміра.

Пріѣзжаетъ Чурила въ Кіевъ, ѣдетъ по
улицамъ. Онъ такой красавецъ, что всѣ на
него заглядѣлись:

Гдѣ дѣвушки глядятъ — заборы трещать,
Гдѣ молодушки глядятъ — лишь
оконницы звенятъ,
Гдѣ стары глядятъ — манатки (мантіи) на
себѣ дерутъ....

Какъ стары старухи костыли грызутъ —
Все глядучись на молода Чурилу
Пленковича.

И живетъ Чурила въ постельникахъ, и
сидючи у князя съ княгиней въ изголовьи,
играетъ въ гусли —

Спотѣшаетъ князя Владиміра,
А княгиню Опраксию больше того.

Потомъ князь возвелъ его въ должность
позовщика, то—есть церемоніймейстера,
созывающаго князей и бояръ на
княженецкіе пиры. По свидѣтельству
былины, позовщикъ долженъ былъ братъ въ

княжескую казну со всякаго позваннаго гостя извѣстную сумму денегъ: это именовалось зватое. Такъ однажды князь Владиміръ послалъ Чурилу звать гостей:

А зватаго приказалъ брать со всякаго по десяти рублевъ.

Въ то время какъ Чурила Пленковичъ служилъ при дворѣ князя Владиміра въ позовщикахъ, прибылъ туда другой щеголь, Дюкъ Степановичъ, изъ Волынца Красна-Галичья.

536

Былина распространяется въ описаніи его красиваго коня и великолѣпнаго оружія, и особенно медлитъ на извѣстныхъ уже намъ знаменитыхъ трехъ стрѣлкахъ.

Самъ Чурила позавидовалъ такому щеголю, и стоя по правую сторону князя Владиміра, говоритъ ему, что это навѣрное не Дюкъ Степановичъ, а какой-нибудь бродяга, дворянскій холопъ, вѣроятно, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ съ такимъ презрѣніемъ

отзывается Даниль Заточникъ въ своемъ моленіи къ князю.

Между тѣмъ, Дюкъ Степановичъ, присматриваясь къ Кіеву и къ тамошнему житью—бытью, находитъ, что все въ немъ грязно и бѣдно, и улицы и церкви не такія, какъ на Волини; даже самое угощеніе на пирахъ князя Владиміра кажется ему не вкусно послѣ роскошнаго житья у себя дома.

На все въ Кіевѣ смотритъ онъ свысока; ничто не удовлетворяетъ его изысканнаго вкуса. Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Кіевъ пошелъ онъ къ обѣднѣ:

И столько Богу не молится,
Сколько по церкви посматриваетъ,
И посматриваетъ, и самъ почамкиваетъ,
А на князя Владиміра взглянетъ —
Только головой пошатаетъ,
На Апраксию королевичну взглянетъ —
И рукой махнетъ.

«Слыхаль я отъ родителя батюшки, говорилъ онъ потомъ на княженецкомъ пиру, что Кіевъ городъ очень красивъ; а вотъ въ Кіевѣ у васъ не по нашему: церкви

у васъ всѣ деревянныя, маковки на церквахъ осиновыя. Мостовыя у васъ черною землею засыпаны: полило ихъ дождевою водою, стала грязь по колѣна — вотъ и замараль я сапожки зеленъ сафьянъ. А у моей государыни матушки, у честной вдовы Амелфы Тимоѳеевны, такъ церкви все каменные, известкой обѣлены, маковки на церквахъ самоцвѣтныя. Крыши на домахъ золоченыя; мостовыя посыпаны рудожелтыми песками и устланы сорочинскими сукнами: ужь не замарать тутъ сапожковъ зеленъ сафьянъ, идучи въ церковь Божію.» И сидитъ онъ на пиру не пьянъ, не весель:

Повѣшана буйна голова ниже плечъ
могучіихъ,
Притуплены очи ясныя во кирпиченъ
поль.

537

Возьметъ колачъ, верхнюю корочку
отломить, съѣсть, а нижнюю бросить,
потому что она кажется ему грязна,

пахнетъ мочальнымъ помеломъ и лаханью.
Одну чару вина выпьетъ, другую выльетъ
за окно: «ваши напитки, говоритъ онъ,
затхлые, пить не пріятные. А вотъ какъ у
насъ въ Индіи богатой, въ Галиціи, въ
славномъ Волянъ-городѣ, у моей
государыни матушки —

....Меда сладкіе, водочки стоялыя,
Повѣшены въ бочки сороковки,
Въ погреба глубокіе на цѣпи на
серебрены:

Туда подведены вѣтры буйные:
Какъ повѣютъ вѣтры буйные,
Пойдутъ воздуха по погребамъ,
Какъ загогочутъ бочки будто лебеди,
Будто лебеди на тихихъ на заводяхъ:
Такъ вѣкъ не затхнутъ напитки
сладкіе:

Чару пьешь, другу пить душа горитъ,
Другу пьешь — третья съ ума нейдетъ.

Другой разъ онъ выразился такъ: «Чарочку
пьешь — губы слипаются.»

Подстрекаемый завистью своего
придворнаго щеголя Чурилы Пленковича,
князь Владиміръ предлагаетъ Дюку

состязаться съ Чурилою въ ловкости и щегольствѣ. «Вижу говорить онъ Дюку, что ты молодець захвастливый. А ты ударься—ко съ Чурилою о великій закладъ, что вамъ ѣхать въ чистое поле поляковать, на цѣлые три года и на три дни, чтобы каждый день кони были смѣнные, и все чтобы были другой шерсти; чтобы цвѣтныя платья были, что ни день, перемѣняныя, и чтобы все были другаго цвѣта; а въ послѣдній день идти вамъ къ Божіей церкви, и который изъ васъ добрѣе выступить, — другому голову рубить.»

Чурила съ Дюкомъ такъ и состязалась конями и щегольской одеждою, ежедневно полякуя ровно три года. Наконецъ, въ послѣдній день, въ рѣшительный срокъ ихъ состязанія, въ самое свѣтлое Христово Воскресеніе, оба они должны были явиться въ церковь къ заутренѣ. Кто щеголеватѣе одѣнется, тотъ и выиграетъ закладъ о буйной головѣ.

Чтобъ идти вслѣдъ за былинами дальше, надобно сдѣлать два замѣчанія.

Вопервыхъ, Чурило и Дюкъ передъ судомъ публики показываютъ свое щегольство именно въ церкви, а не въ какомъ

538

другомъ мѣстѣ, совершенно согласно съ бытомъ древней Руси, которая видѣла въ церкви самое главное и удобнѣйшее мѣсто для публичныхъ сборищъ, столько же для молитвы, сколько и для развлеченій. Тутъ можно было узнать какую-нибудь новость, передать сплетню, высмотрѣть жениха или невѣсту. Только въ церкви же можно было передъ всѣми показать свой великолѣпный нарядъ. Старинные документы не рѣдко возстаютъ противъ разныхъ неприличій происходившихъ въ церквахъ.

Вовторыхъ, въ костюмѣ состязающихся преимущественно описываются пуговицы, — тоже вполне согласно съ бытомъ русской старины, которая, какъ видно изъ рядныхъ записей и другихъ описей, послѣ иконъ, особенное вниманіе обращала на низанье и сажанье, то-есть, на ожерелья и

драгоцѣнные камни, и на ювелирныя вещи, а между ними почти всегда на пуговицы. Надобно приготовиться встрѣтить въ эпическомъ описаніи пуговицъ и петелекъ что-то фантастическое, необычайное, въ смѣломъ переходѣ отъ дѣйствительности въ міръ чудеснаго; потому что эпическая фантазія, воодушевившись красотой описываемаго предмета, по своей юношеской живости, наивно его одушевляетъ, и бездушное представляетъ живымъ и дѣйствующимъ. Конечно, въ такомъ эпическомъ мотивѣ не надобно видѣть ничего миѳическаго или символическаго: это не болѣе, какъ наивная игра безыскусственной фантазіи, но все же фантазіи эпической, воспитанной вѣрою въ чудесное, и привыкшей безпрестанно смѣшивать дѣйствительность съ міромъ идеальнаго.

Надобно имѣть въ виду эти замѣчанія, чтобы вполне понять и по достоинству оцѣнить неподражаемую красоту и художественную грацію слѣдующихъ описаній, которыя могутъ быть смѣло

постановлены на ряду съ самымъ лучшимъ что гдѣ-либо создавала прекраснаго народная эпическая фантазія.

Итакъ, оба соперника являются въ церковь.

Молодой Чурилушка Пленковичъ
Надѣль-то онъ одежицу драгоцѣнную:
Строчечка одна строчена чистымъ
серебромъ,
Другая строчена краснымъ золотомъ;

539

Въ пуговики воплетено по доброму по
молодцу,
Въ петелки воплетено по красной по
дѣвушкѣ:
Какъ застегнутся, такъ обоймутся,
А разстегнутся, и поцѣлуются

Какъ ни граціозенъ этотъ мотивъ, но фантазія народная имъ не ограничилась, не остановилась на немъ, какъ на явленіи вполне исчерпывающемъ идею. Иначе, тѣ же дѣйствующія лица, изображенныя въ пуговкахъ и петляхъ, представляются, на примѣръ, въ слѣдующей сценѣ:

Во пуговики–то было влито по доброму
молодцу,

А въ петелки–то было вплетено по
красной дѣвушкѣ:

По петелкамъ какъ поведеть —

Такъ красны дѣвушки наливають зелена
вина

И подносятъ добрымъ молодцамъ;

А по пуговкамъ поведеть,

Добрые молодцы играютъ въ гусли
яровчаты,

Развеселяютъ красныхъ дѣвушекъ.

По другому варианту, описывается тотъ же предметъ, можетъ–быть, такъ же прекрасно, хотя и не съ такою нѣжною граціей. Эта красота другаго уже тона, столь же игривая, но будто съ оттѣнкомъ какого–то наивнаго страха.

Чурила Пленковичъ становится на правый крилось, Дюкъ Степановичъ — на лѣвый.

Какъ тотъ Чурилушка Пленковичъ

Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ
поваживать,

Онъ сталъ пуговку о пуговку
позванивать:

Какъ отъ пуговики было до пуговики —
Плыветъ змѣище Горынчище:
Тутъ всѣ церкви пріужаснулись,
Сами говорятъ таково слово:
«Что у нашего Чурилушки Пленковича
«Есть отметочка противъ молода
боярина,
«Противъ молода Дюка Степановича.»

Видя удачу своего соперника, Дюкъ
Степановичъ запечалился, повѣсилъ голову,
потупилъ очи въ землю, а

Самъ сталъ плеточкой по пуговкамъ
поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать;
Вдругъ запѣли птицы пѣвучія,
Закричали звѣрки все рыкучіе:
А тутъ всѣ въ церкви да о земь пали,
О земь пали, а иные обмерли.
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:

540

«Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ
Степановичъ!
«Пріуйми-тко птицы ты клевучія,

«Призакличь—ка звѣрей тѣхъ
рыкучіихъ,

«Оставь людей намъ хоть на сѣмены.»

Эта затѣйливая сцена, будто игривая пародія на извѣстный эпизодъ о Соловьѣ Разбойникѣ, который столько же бѣды причинилъ при дворѣ князя Владиміра своимъ змѣинымъ свистомъ и звѣринымъ ревомъ.

Итакъ, Чурила Пленковичъ проигралъ закладъ. Онъ долженъ потерять свою голову. Тогда говорилъ Владиміръ князь Дюку Степановичу:

Не руби—тко ты Чурилы буйной головы,
А оставь намъ Чурилу хоть для памяти.

Хоть для памяти — сказано въ высокой степени наивно, но со злою иронією, которая дополняется слѣдующею затѣмъ рѣчью Дюка Степановича:

Ахъ ты ей, Чурилушка Пленковичъ!
Пусть ты княземъ Владиміромъ
упрошенный,
Пусть ты кievскими бабами уплаканный!
Не ѣзди съ нами, со бурлаками,

А сиди во градѣ во Кіевѣ,
Ты въ Кіевѣ во градѣ между бабами.

Впрочемъ Чурила не сдоброваль; онъ такъ и погибъ отъ своего вѣтренаго щегольства и волокитства. Разъ завель онъ интригу съ молодою женой одного старика, Бермяты Васильевича. Объ этой интригѣ пошла по городу слѣдующая сплетня:

Поутру рано–ранешенько,
Рано зазвонили ко заутрени,
Князи и бояре пошли къ заутрени.
Въ тотъ день выпадала пороха снѣгу
бѣлаго,

И нашли они свѣжій слѣдъ,
Сами они дивуются:

«Либо зайка скакаль, либо бѣль
горностай.»

А иные тутъ усмѣхаются, сами говорятъ;
«Знать это не зайка скакаль, не бѣль
горностай:

Это шель Чурила Пленковичъ
Къ старому Бермятѣ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ, Катеринѣ
Прекрасныя.

Наконецъ старикъ дознался о своемъ безчестіи, засталъ Чурилу у своей жены и убилъ его. Мы уже видѣли какъ

541

катилась срубленная голова Чурилина, будто жемчужина обагренная кровью. Даже самую смерть этого красиваго щеголя былина смягчаетъ граціознымъ уподобленіемъ.

Сколько въ поэтическомъ отношеніи замѣчательно состязаніе Дюка съ Чурилой, столько для исторіи русскаго быта важенъ эпизодъ о томъ, какъ князь Владиміръ, по неудовольствію ли на Дюка, или скорѣе по алчности къ пріобрѣтенію и по корыстолюбивой системѣ старинныхъ князей все забирать въ свои руки, посылаетъ въ Галицію своихъ богатырей описывать все имущество Дюка, чтобъ отобрать въ княженецкую казну. Въ числѣ посланныхъ назначили было и Алешу Поповича, но Дюкъ выразилъ слѣдующее опасеніе:

Не посылайте—ка Алешеньки Поповича:
А его глазишечки поповкіе,
Поповскіе глазишечки завидливы:
А ему оттоль да вѣдь не выѣхать!

Отправившись въ Галицію, которая теперь
въ былинѣ называется Индіею богатою,
послы взѣхали на одну гору откуда виденъ
быль городъ Волынь Красень Галичій: и
вдругъ весь городъ представился имъ въ
огнѣ, какъ жарь горить. Это мѣсто въ
былинѣ дышитъ неподражаемою
художественною наивностію. Смотрятъ
послы и говорятъ между собою:

Знать, что молодой бояринъ Дюкъ
Степановичъ,
Онъ послалъ, знать, туды вѣсточку на
родину,
Чтобы зажгли Индію—ту богатую:
Ай, горить Индія—та богатая!

Но что же вышло на повѣрку? Когда она
подѣхали къ городу поближе, замѣтили
свою смѣшную ошибку. Весь этотъ блескъ
и жарь, для непривычныхъ грубыхъ глазъ

показавшійся пожаромъ, происходилъ отъ того, что у жителей того города —

У нихъ крышечки въ домахъ золоченыя,
У нихъ маковки на церквахъ
самоцвѣтныя,
Мостовыя рудожелтыми песочками
призасыпаны,
Сорочинскія суконца приразостланы.

Прибывши на дворъ къ Дюку, послы стали описывать его имѣнье богатство. Но такъ было оно не смѣтно, что въ

542

теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ не успѣли они описать одну только збрую лошадиную: а ужъ гдѣ же было добыть бумаги и чернилъ, чтобъ описать всѣ другія сокровища? Потому и говорила съ насмѣшкою Дюкова матушка княженецкимъ оцѣнщикамъ: «А вы скажите—ка князю Владиміру, пусть онъ продастъ на бумагу весь Кіевъ городъ, а на чернила пусть продастъ весь Черниговъ, тогда пускай и присылаетъ своихъ

оцѣнщиковъ: авось у нихъ хватитъ чернилъ и бумаги на опись Дюкова имѣнница!»

Это ироническое сопоставленіе Кіева и Чернигова съ богатымъ цивилизованнымъ Вольнымъ Краснымъ Галичьимъ, очевидно, ведетъ свое начало изъ мѣстныхъ, областныхъ источниковъ народнаго эпоса, потому что явственно говоритъ о соперничествѣ между городами и областями¹².

Х.

Наравнѣ съ богатырями кіевскими народный эпосъ прославляетъ двухъ новгородскихъ, Садка богатаго гостя и Василья Буслаева. Оба они не имѣютъ ничего общаго ни съ Кіевомъ, ни съ княземъ Владиміромъ. Былины о нихъ обоихъ ярко отмѣчены мѣстнымъ цвѣтомъ новгородскаго быта. Эти новгородскія былины особенно дороги для исторіи русской литературы, какъ образецъ

¹² Кирш. 159—167. Рыбник. I, 263 и слѣд., 300 и слѣд. II, 137, 153, 179. Кирѣевск. IV, 87.

мѣстнаго развитія эпической поэзіи, во всей его чистотѣ, безъ малѣйшей примѣси вліянія чужихъ мѣстностей. Этому способствовало то счастливое обстоятельство, что онѣ до настоящаго времени сбереглись въ устахъ народа тамъ гдѣ была новгородская область, и слѣдовательно записаны тамъ гдѣ онѣ возникли, процвѣтали и видоизмѣнялись; между тѣмъ какъ пѣсни о кievской мѣстности или возникали не въ Кіевѣ, а въ той же новгородской области, или въ Муромѣ, Рязани, Суздали, а если и въ южной кievской Руси, то уже рано перешли въ Новгородскую область и тамъ видоизмѣнялись, и преимущественно въ этой новгородской редакціи дошли до насъ, изданныя въ сборникахъ Кирши Данилова, Кирѣевскаго и особенно Рыбникова.

543

Но обратимся къ самымъ былинамъ.

Сначала о Садкѣ. Намъ уже извѣстны миѳическія сказанія объ этомъ богатомъ

гостѣ, согласныя съ мѣстными преданіями, вошедшими въ самыя популярныя въ Новѣгородѣ легенды.

Кромѣ этой миѳической основы, былины о Садкѣ имѣютъ и бытовое, такъ сказать, историческое содержаніе. Оно состоитъ въ томъ, что Садко, разбогатѣвшій чудеснымъ образомъ, сталъ скупать весь товаръ въ Новѣгородѣ. Въ первый день скупилъ все что только нашель; а на другой день въ гостиномъ дворѣ —

Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу на великую
новгородскую.

Садко опять скупилъ весь товаръ, а на слѣдующій день —

Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары московскіе,
На ту на великую на славу
новгородскую.

Какъ тутъ Садко пораздумался:

«Не выкупить товара со всего бѣла
свѣта:

«Еще повыкуплю товары московкіе —

«Подоспѣютъ товары заморскіе.

«Не я, видно, купецъ богатъ
новгородскій —

«Побогаче меня славный Новгородъ.

Народный эпосъ, сильно проникнутый мѣстными интересами, восходитъ здѣсь до торжественной пѣсни во славу великаго и богатаго Новагорода. Непомѣрный богачъ вздумалъ было тягаться со всѣмъ Новгородомъ, но тотчасъ же изнемогъ въ своей борьбѣ, и смирилъ личную гордость передъ колоссальнымъ величіемъ своей славной родины, но въ своемъ поражении утѣшалъ себя патриотическою гордостью: всѣ они, гости богатые новгородскіе, только малыя частицы того великаго цѣлаго, которое всѣхъ ихъ объемлетъ и сообщаетъ имъ значеніе и силу. Такова глубокая мысль объ искренней, чистой любви къ своей родинѣ въ этомъ простомъ, сказочномъ разказѣ о любви, которая уравниваетъ всѣ личные интересы передъ

священною идеей объ общемъ благѣ и славѣ цѣлой родины.

По другому варианту, къ прославленію Новгорода присоединяется ироническій оттънокъ, обязанный своимъ происхожденіемъ,

544

кажется, той мысли, что гдѣ много богатства, тамъ и нищета, что при богатыхъ товарахъ потребны и дешевые, и что Новгородъ славенъ не одними сокровищами, но и гнилью и завалью, какъ всякій большой торговый городъ.

Скупивъ однажды всѣ товары въ Новѣгородѣ, зашелъ Садко въ темный рядъ:

И стоять тутъ черепаны, гнилые горшки,

А всѣ горшки уже битые.

Онъ самъ Садко усмѣхается,

Даетъ деньги за тѣ горшки,

Самъ говоритъ таково слово:

«Пригодятся ребятамъ черепками играть,

«Поминать Садку гостя богатаго,

«Что не я, Садко, богатъ — богатъ
Новгородъ
«Всякими товарами заморскими,
«И тѣми черепанами, гнилыми горшки.»

Въ эпизодѣ о покупкѣ Садкою товаровъ есть двѣ подробности, любопытныя для исторіи народнаго быта. Во-первыхъ, передъ тѣмъ, какъ скупать товары, Садко долженъ былъ въ новгородскую общину, называемую въ былинѣ братчиною Никольщиною, внести за себя извѣстную сумму. Вовторыхъ, Садко построилъ нѣсколько церквей, каковы: во имя архидіакона Стефана, Софіи Премудрыя (то-есть Премудрости) и Николая Можайскаго. Эта подробность согласуется съ извѣстіями новгородскихъ лѣтописей о томъ, что нигдѣ на Руси не строилось такъ много церквей простыми гражданами какъ въ Новѣгородѣ, тогда какъ въ другихъ областяхъ это дѣло преимущественно было князей и духовенства. Около церквей, построенныхъ частными лицами или посадниками, могли группироваться мелкіе

прихожане и поддерживать авторитетъ ихъ богатыхъ строителей¹³.

Былины о Васильѣ Буслаевѣ еще ярче рисуютъ передъ нами древній новгородскій бытъ¹⁴. Съ именемъ этого героя народный эпосъ связываетъ живѣйшія воспоминанія о борьбѣ новгородскихъ партій, двухъ сторонъ Новагорода, раздѣляемыхъ рѣкою Волховымъ, также о борьбѣ съ княжескою властью партіи народной и городской, во главѣ

545

которой стоялъ Василій Буслаевъ. Отецъ его Буслай жилъ въ Новѣгородѣ мирно и тихо, съ Новымъ-городомъ не спаривалъ, со Псковомъ не вздорилъ, съ Москвой не перечился. Это было время спокойное и счастливое для Нова-города, его блаженная старина, о которой потомъ всегда мечталъ онъ. Умеръ Буслай, оставивъ по себѣ вдову съ малолѣтнимъ Васильемъ. Съ новымъ поколѣніемъ

¹³ Рыбник., I, 374. Киш., 274.

¹⁴ Рыбник., I, 335 и слѣд. II, 197 и слѣд.

началась неурядица. Кликнулъ кличъ молодой Буслаевъ по всему Новгороду, чтобы кто хочетъ шли нему на широкій дворъ, пить зелено вино, веселиться. Хозяинъ пробоваль силу cadaго гостя: сначала подносилъ чару въ полтора ведра, потомъ ударить гостя по плечамъ и по спинѣ червленнымъ вязомъ. Кто устоитъ, того бралъ къ себѣ въ дружину, и такимъ образомъ окружилъ себя толпою удалыхъ молодецвъ, между которыми особенно прославились Костя Новоторжанинъ, Потанюшка Хроменькій, Хомушка Горбатенькій, Толстый Оома Благоуродливый. И сталъ Василій по городу похаживать, сталъ шутить недобрый шутки съ боярскими дѣтьми и княжецкими: кого дернетъ за руку — у того рука прочь, кого за ногу — нога прочь, двухъ—трехъ вмѣстѣ столкнетъ — безъ души валятся на земь. Однажды заводился у князя новгородскаго почестень пиръ на князей, бояръ и богатырей, а Василья Буслаева на пиръ не звали, не почествовали. Приходить онъ на княжескій пиръ незванный, съ своею

храброю дружиной, повыгнать и повитолкать изъ-за стола всѣхъ гостей, и стать пировать съ своими молодцами. Подстрекаемый успѣхами своего удалства, онъ бился объ закладъ съ самимъ княземъ, что готовъ перевѣдаться на Волховскомъ мосту со всѣми мужиками новгородскими, а если не устоитъ въ борьбѣ, то ему голову прочь. Сколько ни хлопотала честная вдова, мать Васильева, удержать своего сына отъ дерзкаго предпріятія, и запирала его въ глубокіе погреба, и выкупъ носила князьямъ за его голову — ничто не помогло. Въ то время какъ Василій сидѣлъ у матери въ заперти, его дружина бросилась на Волховскій мостъ и отчаянно сцѣпилась съ мужиками новгородскими. Валятся сотни головъ, дружина Васильева «во крови ходитъ, по колѣнъ бродитъ». Однако стала ослабѣвать, несмотря на помощь, оказанную ей какою-то богатырскою дѣвушкой-чернавушкой, портомойницею Василья Буслаева, которая

однимъ только своимъ коромысломъ перебила на мосту до пятисотъ мужиковъ. Наконецъ бѣжить она домой и освобождаетъ Василья изъ заключенія, чтобъ онъ шелъ на мостъ спасать свою дружину. Является Василій съ червленнымъ вязомъ въ рукахъ. Сталь колотить имъ мужиковъ: куда махнетъ — улица, куда отмахнетъ — переулочекъ; лежатъ мужики увалами и перевалами; набило мужиковъ будто погодою, накусило ими рѣку Волховъ. Видятъ князя бѣду неминуемую, перебѣетъ Василій всѣхъ мужиковъ новгородскихъ, никого не оставитъ на сѣмена; идутъ къ его матушкѣ просить, чтобъ она уняла свое чадо милое. Но и она съ нимъ ужь не сладитъ и посылаетъ ихъ въ Сергіевъ монастырь къ крестному отцу Василья Буслаева, къ нѣкому Старчищу Пилигримищу: «имѣетъ онъ силу нарочитую: авось не уйметъ ли онъ мое чадо милое,» говорила князьямъ честная вдова. По просьбѣ князей, идетъ на Волховскій мостъ Старчище Пилигримище

уговаривать богатырское сердце Василья Буслаева, чтобы не билъ новгородскихъ мужиковъ. Старикъ изъ монастыря — это олицетвореніе непомѣрной силы новгородской старины. Кафтаны на немъ въ сорокъ пудъ; вмѣсто колпака, на головѣ колоколь въ тысячу пудовъ, въ правой рукѣ колокольный языкъ въ пятьсотъ пудовъ, самъ идетъ языкомъ тѣмъ попирается. «Чудо мое крестовое! говоритъ онъ Василію Буслаеву: — смотри, на своего крестоваго батюшку не наскакивай!» — «А зачѣмъ ты пришелъ сюда?» возражаетъ ему Василій:

«А у насъ—то вѣдь дѣло дѣется:
Головами, батюшка, играемся.»

Поднялъ дубину въ девяносто пудъ, какъ хлестнетъ Старчища въ буйную голову: только колоколь разсыпался въ черенья ножовые, а Старчище стоитъ не тряхнется, желтыя кудри его не ворохнутся. Скочилъ Василій, ударилъ крестнаго батюшку промежъ ясныхъ очей — выскочили ясныя очи, какъ пивныя чаши. По другому варианту, Старчище идетъ по мосту, самъ

говорить: «Я иду — Василью смерть несую!»
Василій хватилъ по его колоколу,
разсыпалъ на три четверти; потомъ ударилъ
Старчища въ вышину и сшибъ съ ногъ, и
стоя надъ нимъ, самъ раздумался: «Старца
убить — не спасенья добыть, а грѣха на
душу!» Подхватилъ

547

старца на руки и говорить: «Поди—ко,
старецъ, въ свое мѣсто, а въ наше дѣло не
суйся!» Потомъ напускался Василій на
каменные дома. И вышла тогда сама мать
Пресвятая Богородица изъ монастыря
Смоленскаго, говорила честной вдовѣ,
Васильевой матери:

Закличь своего чада милаго,
Милаго чада рожонаго,
Молода Васильюшка Буслаева:
Хоть бы оставилъ народу на сѣмены.

Выходила честная вдова на новыя сѣни,
заклинала своего милаго чада.
Впрочемъ, каковы бы ни были подвиги
Василья Буслаева, народный эпосъ видитъ

въ немъ представителя новгородской вольницы и прославляетъ его какъ богатыря. Онъ на столько же разбойникъ, на сколько и тѣ пресловутые рыцари, которыхъ воспѣвали западные трубадуры. Сверхъ того, былина какъ бы хочетъ примирить насъ съ юношескими увлеченіями этого новгородскаго героя, заставляя его въ нихъ раскаиваться и искупать ихъ хожденьемъ къ Гробу Господню въ Іерусалимъ. «Съ молоду бито много, граблено: подь старость надо душу спасти», говоритъ Василій и отправляется въ ладѣ съ своими товарищами въ далекое странствіе:

Ко Господнему гробу приложитися,
И во Ердань рѣкѣ окупатися,
А на Ѡаворъ горѣ осушитися.

Пріѣхаль въ Святую Землю; но и здѣсь Василій не смирилъ своего неугомоннаго нрава. Всѣ его товарищи купались въ Ердань рѣкѣ въ рубашечкахъ, одинъ онъ купался нагимъ тѣломъ, не послушался запрету своей матушки. Потомъ ѣдутъ они къ Ѡаворъ горѣ, къ тому къ камню

Латырю, «на которомъ камени преобразился самъ Іисусъ Христосъ». На той горѣ стоитъ церковь соборная съ образомъ Преображенскимъ. Но чтобы достигнуть до церкви и до того образа, надобно было трижды скакать черезъ «бѣль горючъ камень.» Всѣ товарищи Васильевы трижды скакали черезъ тотъ камень; самъ же онъ и здѣсь не пронялся, не укротилъ своего нрава: разъ скочилъ, и другой скочилъ, а на третій говоритъ своей дружинѣ: «а вотъ на третій разъ я не передомъ, а задомъ скочу!» Скочилъ задомъ

548

черезъ бѣль горючъ камень, задѣлъ за камень ногою, и ушибся до смерти. Умирая, такъ говорилъ онъ своей дружинѣ:

Скажите—ка, братія, родной матушкѣ,
Что сосватался Василій на Ѡаворь—горѣ,
И женился Василій на бѣломъ—горючемъ
камешкѣ.

Узнавъ о кончинѣ своего сына, честная вдова много плакала; потомъ собрала все свое имѣнье—богатство и раздала по Божьимъ церквамъ и монастырямъ.

Такъ и на Западѣ, въ монастыри поступали имѣнья крестоносцевъ погибавшихъ въ Крестовыхъ походахъ. У насъ въ старину, кажется, особенно Новгородцы любили ходить въ Іерусалимъ. Въ XII вѣкѣ, Даниль Паломникъ встрѣтилъ нѣсколькихъ Новгородцевъ при Гробѣ Господнемъ. Западная легенда о чудесномъ странствіи въ Іерусалимъ на бѣсовскомъ конѣ была внесена въ сказаніе о новгородскомъ архіепископѣ Іоаннѣ.

Сказаніе о гибели Василья Буслаева на Алатырь—каменѣ въ виду соборной церкви и образа Преображенія, по замѣчательному сходству въ подробностяхъ, могло смѣшиваться въ преданіяхъ новгородскихъ съ извѣстнымъ сказаніемъ о новгородскомъ раѣ, которое въ XIV вѣкѣ архіепископъ Василій слышалъ отъ дѣтей и внуковъ путешественниковъ, случайно удостоившихся увидать на морѣ земной

рай. Изъ этихъ путешественниковъ архіепископъ называетъ по имени только Моислава Новгородца и сына его Якова. Блуждая въ ладьяхъ по морю, будто бы они наѣхали на высокую гору. На той горѣ былъ написанъ Деисусъ, окруженный неземнымъ свѣтомъ, и раздавались голоса ликующихъ. Чтобъ узнать что тамъ дѣется, путешественники послали въ гору одного изъ своихъ товарищей. Взошелъ онъ на гору, всплеснулъ руками, радостно засмѣялся и скрылся въ горѣ. Послали другаго, и тотъ также исчезъ. Наконецъ, чтобы дознаться что тамъ за чудеса, послали третьяго, привязавъ его за ногу веревкою. Этотъ тоже всплеснулъ руками засмѣялся, и побѣждалъ было, но товарищи стащили его къ себѣ веревкою, однако ничего не узнали, потому что онъ былъ уже мертвъ. Преданіе это было такъ знаменито въ старину, что до позднѣйшаго времени сохранилось въ иронической пословицѣ

о пытливости Новгородцевъ: «Новгородскій рай нашель»¹⁵.

Этотъ райскій островъ на эпическомъ языкѣ могъ бы точно съ такимъ же правомъ быть названъ Алатырь–камнемъ, какъ и Оаворъ–гора. Спутники Моислава Новгородца такъ же скакали по райской горѣ, какъ дружина Василья Буслаева по Алатырь–камню.

Какъ бы то ни было, но новгородское сказаніе о земномъ раѣ очень удобно могло бы войдти, какъ эпизодъ, въ былинну о хожденіи Василья Буслаева съ своею дружиною ко Святымъ Мѣстамъ.

XI.

Обозрѣніе богатырскаго быта, предложенное на этихъ страницахъ, осталось бы съ замѣтнымъ пробѣломъ, если бы мы не коснулись положенія женщины въ кругу богатырей новаго поколѣнія.

Мы уже познакомились съ нѣкоторыми чертами женскихъ типовъ, вынесенными

¹⁵ См. въ моей *Христоматіи*, ст. 965. 1459.

народнымъ эпосомъ изъ эпохи доисторической. По мѣрѣ того какъ фантазія стала больше и больше свыкаться съ дѣйствительностью и воспроизводить ее въ своихъ идеалахъ, все больше и больше сокращались размѣры исполинскихъ женщинъ, суровое величіе уступало мѣсто граціи и спокойной красотѣ, а вѣщая сверхъестественная сила разума и предвѣдѣнія спускалась до житейской мудрости, сопровождаемой здравымъ смысломъ и тою ловкою смѣтливостью, которую народный эпосъ называетъ «женскими догадками».

Какъ въ характерахъ Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеша Поповича, были замѣчены разнообразныя элементы внесенныя разными эпохами, такъ и въ женскихъ типахъ богатырскаго эпоса представляется та же смѣсь суровыхъ и жесткихъ формъ грубой старины съ нѣжными очерками и мягкимъ колоритомъ народныхъ пѣсень позднѣйшихъ временъ. Одна и та же супруга Добрыни Никитича — то гордая воительница исполинскихъ

размѣровъ, то скромная и любящая жена, безпрекословно повинующаяся

550

своей свекрови. Какъ бы ни были мелки черты ежедневной дѣйствительности, которыми въ теченіе вѣковъ народный эпосъ дорисовывалъ свои женскіе идеалы, но первоначальные контуры этихъ идеаловъ были накинута такою смѣлою рукой и въ такомъ величавомъ и строгомъ стилѣ, что они уже не могли измельчать и опошлѣть до того чтобъ утратить первоначальное идеальное достоинство. Точно такъ фамильныя черты суровыхъ предковъ черезъ цѣлыя столѣтія отражаются въ замѣчательномъ сходствѣ въ лицахъ ихъ позднихъ изнѣженныхъ потомковъ. Въ такомъ же смыслѣ можно и женскіе характеры русскаго народнаго эпоса назвать породистыми. Сколько ни мельчали они, спускаясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, но до сихъ поръ удержали въ себѣ

отличительные признаки своей благородной породы.

Народный эпосъ внушаетъ убѣжденіе, что женщина своею женскою думушкой и своими догадками «и всѣхъ князей и бояръ повыманетъ и самого князя Владиміра изъ разуму выведетъ.» Потому-то мужъ долженъ искать въ женѣ не одной красоты, но и преимущественно ума, чтобъ «было ему съ кѣмъ думу думати, и было бы съ кѣмъ слово молвити». Князь Владиміръ искалъ себѣ такой невесты, чтобъ она была «умомъ сверстна, чтобъ умѣла грамоту русскую и четью-пѣтью церковному.»

Женщины въ богатырскомъ эпосѣ пользуются значительною свободою. Онѣ устраиваютъ между собою пиры и собираютъ многочисленныхъ гостей. Такъ у Василисы Микуличны созваны были на столованье жены купеческія и вельможескія. Женщины между прочимъ проводили время въ игрѣ въ шахматы, на примѣръ играла Катерина жена Бермяты съ Чурилою. Чтобы выдать свою дочь замужъ, отецъ не злоупотреблялъ своею

властію, и часто совѣтовался сначала съ дочерью: шель къ ней вмѣстѣ подумать. Княженецкая племянница, Завава Путятишна, совершенно свободно гуляетъ по городу Кіеву, и даже сама приходитъ къ Соловью Будиміровичу свататься. Впрочемъ, эта уже черезчуръ крайняя свобода, нарушающая женскую стыдливость, жениху не понравилась:

Всѣмъ ты мнѣ, дѣвица въ любовь пришла,
А тѣмъ мнѣ ты, дѣвица, не слюбилася,
Что сама себя дѣвица просватала.

551

Дѣвица–невѣста обыкновенно живетъ въ теремѣ, гдѣ красное солнце не печетъ ее, буйные вѣтры не пахнутъ на нее. Богатырь Дунай, посланный княземъ Владиміромъ за невѣстою Апраксѣвною, находитъ ее въ теремѣ.

Ходитъ она по терему златоверху,
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,

Въ однихъ тонкіихъ чулочикахъ безъ
чеботовъ,
У ней русая коса пораспущена.

Когда Дунай ее спрашиваетъ, хочетъ ли она
идти замужъ за князя Владиміра, она
отвѣчаетъ ему безъ всякой застѣнчивости,
развязно:

Три года я Господу молилася,
Чтобъ попасть мнѣ замужъ за князя за
Владиміра.

Женскую красоту русскій эпосъ
одушевляетъ мыслію и даетъ ей граціозное
движеніе. Въ воображеніи нашихъ пѣвцовъ
прекрасная женщина представляется —

Умомъ умна и станомъ статна,
Лицо бѣло будто бѣлый снѣгъ,
Щечки будто маковъ цвѣтъ,
Походочка у ней такъ павиная
Рѣчь—то у ней лебединая.

или:

....Ростомъ была высокая,
Станомъ она становитая,
И на лицо она красовитая,

Походка у ней часта и рѣчь баска
(привѣтлива, красива).

Частая походка — по нашимъ былинамъ одна изъ главныхъ примѣтъ, по которымъ тотчасъ отличишь женщину отъ мущины. Другія женскія примѣты: узкія плечи, въ противоположность широкому тазу (что въ былинѣ о Ставровой женѣ даетъ поводъ къ нѣкоторымъ наивнымъ подробностямъ); далѣе: тоненькіе пальчики, непременно съ перстнями; рѣчь съ провизгомъ, наконецъ, когда женщина садится, сжимаетъ колѣнки¹⁶.

Едва ли нужно приписывать особенное значеніе въ исторіи русской женщины тѣмъ сценамъ изъ народнаго эпоса,

552

въ которыхъ, какъ мы уже видѣли, изображается жестокое обращеніе мужа съ женою. Мы уже знаемъ, что эти сцены объясняются преимущественно борьбою

¹⁶ Рыбник. II, 104 — I, 245, Кирѣевск. III, 29, 33. Рыбник. II, 94, 126, 107. Кирѣевск. IV, 105. Рыбник. I, 330. 324. — II, 96, 192. — I, 187, 191, 254. — II, 53. — I, 178, 186, 243, 247. — II, 54, 97, 106.

новаго поколѣнія съ остатками титанической старины, которая нѣкоторое время находила себѣ поддержку въ женскомъ полѣ, между тѣмъ какъ мужчина долженъ былъ подчиниться новому движенію исторической жизни. Сверхъ того, суровые нравы богатырскаго быта уже не могли не обнаружиться въ нѣкоторой грубости, которая на наши глаза кажется жестокою. Уже самое похищеніе невѣстъ и взятіе ихъ съ собою ставили жену слищкомъ въ зависимое подчиненіе, какъ плѣнницу или завоеванную добычу. Такъ Часова вдова не хотѣла выдать своей дочери за Хотена Блудовича. Хотень убиваетъ сыновей этой вдовы, силою врывается въ ея домъ, беретъ съ нея выкупъ золотомъ и жемчугомъ, а въ придачу ея дочь, себѣ въ жены. Богатырь ѣдетъ искать себѣ невѣсту, будто на охоту или за военною добычей. Въ такомъ случаѣ князь Владиміръ обыкновенно напутствуетъ жениха такимъ совѣтомъ:

Да гдѣ тебѣ невѣста по любѣ, тутъ и бери,

Добромъ не отдають, такъ и силой
возьмемъ.

Потому иногда съ горечью выражается
женщина о своемъ невольномъ замужествѣ:

Насъ куда ведутъ, мы туда идемъ,
Насъ куда везутъ, мы туда ѣдемъ.

Женитьбу насильно или съ бою богатырскій
эпосъ обыкновенно объясняетъ тѣмъ, что
женихъ беретъ себѣ невѣсту въ чужой
землѣ, часто въ непріятельской¹⁷.

По понятіямъ народнаго эпоса, жена
составляетъ домашнее сокровище, которое
мужъ не долженъ легкомысленно
выставлять на позоръ публики. Многимъ
доставалось плохо, когда они по
неосторожности хвалились на пирахъ
своими прекрасными и умными женами;
потому что только —

Безумный дуракъ хвастаетъ молодой
женой.

Такъ цѣлая былина о Ставрѣ Годиновичѣ
основана на этой мысли, имѣющей, какъ
кажется, то значеніе для исторіи

¹⁷ Кирѣевск. IV, 76. Рыбник. II, 53, 75. — I, 179.

553

женщины, что на пиру, гдѣ пьяные хвалятся своимъ молодечествомъ, богатствомъ и борзыми конями, не должно профанировать домашняго счастья, и не унижать жену, низводя ее до предметовъ, которыми богатырь хвастаетъ какъ своею собственностью. Когда Ставра порядкомъ проучили за его нескромную похвальбу,

Тутъ—то онъ болѣе не сталъ ѳздить по честнымъ пирамъ,

Онъ не сталъ больше хвастать молодою женой¹⁸.

Особенно выступаетъ достоинство женщины въ лицѣ честной, матерой вдовы, государыни матушки удалаго богатыря. Это самая почетная особа, о которой всегда отзывается былина съ великимъ уваженіемъ. Была уже рѣчь о томъ, что вымершее старое поколѣніе оставило по себѣ только вдовъ, которымъ предоставлено было руководить своихъ

¹⁸ Рыбник. II, 244. — II, 93, 103.

дѣтей — богатырей новаго поколѣнія. Вдова учитъ своего сына уму—разуму; иногда она на столько развита, что отдаетъ его учиться грамотѣ. Отъѣзжая на подвиги, богатырь беретъ у своей матери благословеніе великое. Случается, что отправляется вмѣстѣ съ нею, какъ на примѣръ, Соловей Будимировичъ, привезшій свою матушку въ Кіевъ на корабль изъ—за моря. Въ обращеніи съ матерью богатырь выказываетъ самое глубокое уваженіе:

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не шелковая трава разстилается:
Ужъ какъ сынъ передъ матерью
кланяется.

Честная вдова проводитъ время въ трудахъ и молитвѣ. Соловей Будимировичъ построилъ для своей матушки отдѣльный теремъ, гдѣ она молилась «со вдовами честными, многоразумными», между тѣмъ какъ онъ самъ въ другомъ теремѣ веселился съ своими корабельщиками. Вдовы посѣщаютъ пиры и между собою веселятся, бесѣдуютъ, иногда ссорятся. Такъ вдова Блудова поссорилась съ вдовою

Часовою за то что эта послѣдняя, обидѣвши бранными словами ея сына, не хотѣла выдать за него свою дочь. Потому —

Честная вдова Блудова жена
Пошла съ пиру не весела,
И не весела пошла — не радостна,

554

Зажала ручки вкругъ сердечушка,
Стянула головушку промежь плечи.

Если сынъ женатъ, честная вдова господствуетъ въ домѣ и руководитъ своею невѣсткою, такъ на примѣръ мать Добрыни Никитича. Мы уже знаемъ, какъ дорого этотъ богатырь цѣнилъ спокойствіе своей матери. Мать Дюкова изображается какою-то владѣтельною княгинею, окруженною всевозможными удобствами и великолѣпіемъ. Она распоряжается пріемомъ княжихъ оцѣнщиковъ, пріѣхавшихъ за тѣмъ чтобъ отнять ея имѣніе въ княженецкую казну, и ловко издѣвается надъ княземъ Владиміромъ. Неугомонный Василій Буслаевъ,

объявляющій войну всему Новгороду, и никого не боящійся, смиряется только передъ своею матерью. Когда она, чтобъ положить конецъ бѣдствіямъ Новгородцевъ, просить его укротить свое богатырское сердце, богатырь почтительно отвѣчаетъ:

Ай же ты, моя родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна!
Никого я не послухаль бы,
А послушалъ тебя, родну матушку:
Не послухать мнѣ законъ не даетъ.

Вообще надобно сказать, что богатырскій эпосъ приписываетъ огромное вліяніе вдовѣ–матери на образованіе и на поступки молодаго поколѣнія богатырей. Любовь и уваженіе къ матери, признакъ умнаго и вообще достойнаго человѣка. Гордиться своею матерью позволялось даже и на пирахъ. Эту похвальбу эпосъ не однажды поощряетъ пословицею:

А разумный хвастаетъ родной матушкой,
А безумный хвастаетъ молодой женой.

Иначе:

«Умный хвастаеть старой матерью»^{*}).

^{*}) Кирѣевск. II, 1. – IV. 69. Рыбник. I. 27, 146, 357.

XII.

Чѣмъ свѣжѣе и первобытнѣе народный эпосъ, тѣмъ замѣтнѣе въ немъ связь дѣйствующихъ лицъ съ музыкальнымъ и пѣсеннымъ его исполненіемъ. Гомеръ неоднократно выводитъ на сцену пѣвцовъ рапсодовъ, которые потѣшаютъ героевъ пѣснями о Троянской войнѣ. Самъ Ахиллъ сокращаетъ

555

скуку своего одиночества игрою на лирѣ. Финскій Вейнемейненъ — не только герой Калевалы, но и самъ пѣвецъ и заклинатель, знающій вѣщія слова. Авторъ Слова о Полку Игоревѣ не разъ упоминаетъ о пѣсняхъ, въ которыхъ воспѣваются описываемыя имъ лица и событія. Вѣщій Баянъ накладываетъ свои персты на живыя струны, которыя сами князьямъ «славу рокотали». Въ то время, какъ Игорь возвращается изъ плѣну домой, дѣвицы поютъ на Дунаѣ: вьются ихъ голоса черезъ море до Кіева, а между тѣмъ страны и

города радуются и веселятся, пѣвши пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ пѣть славу — Игорю Святославичу, Буйтуру Всеволоду, Владиміру Игоревичу.

Такъ и въ народномъ эпосѣ богатыри не только дѣйствуютъ, но и сами воспѣваютъ богатырскіе подвиги, напѣвая напѣвки —

Про старыя времена и про нынѣшни,
И про всѣ времена досюлешны¹⁹.

Изъ богатырей особенно знамениты были своимъ скоморошскимъ искусствомъ: Добрыня Никитичъ, Соловей Будимировичъ, Чурило Пленковичъ, Садко богатый гость. Послѣдній, какъ мы знаемъ, сначала былъ скоморохомъ, по пирамъ ходилъ, на гусяхъ игралъ и тѣмъ кормился. Соловей, веселясь съ своею дружиною, игралъ на гусяхъ. Чурило, въ должности придворнаго постельничаго, долженъ былъ сидѣть у княженецкаго изголовья и играть въ гусли. Но собственно скоморохи и калики перехожіе, или странники, были исполнителями народного эпоса, и свѣтскаго и духовнаго. Ихъ

¹⁹ Рыбник. I, 249.

приглашали на пиры, угощали виномъ и платили за ихъ пѣсни. Кромѣ историческихъ былинь, они играли какіе ты сыгриши Царяграда, наводили танцы Іерусалима, играли еврейскіе стихи и величали князя со княгинею. Все это зналъ и Ставръ Годиновичъ. Самъ князь Владиміръ чествуетъ искуснаго скомороха. Такъ, когда Добрыня Никитичъ, переряженный скоморохомъ, особенно угодилъ своею искусною игрою, тогда этотъ послѣдній говорилъ ему:

Ай же, малая скоморошина!

Не твое мѣсто сидѣть на печкѣ
муравленой,

Твое мѣсто сидѣть супротивъ князя и
княгини...

556

За твою игру великую,
За утѣхи твои за нѣжныя,
Безъ мѣрушки пей зелено вино,
Безъ разчету получай золоту казну.

Скоморохи приглашаются на пиры не для одного только разгуля, но и для утѣхи; музыка и пѣнье развеселяютъ печальное сердце. Такъ Василиса Микулична, перерядившаяся грознымъ посломъ, печальна сидитъ на пиру у князя Владиміра, сама говоритъ ему:

Что буде на разумѣ не весело:
Либо батюшко мой померъ есть,
Либо матушка моя померла.
Нѣтъ ли у тебя гусельщичковъ,
Поиграть во гусельшки яровчаты.²⁰

Пѣсни, воспѣваемые скоморохами, каликами переходжими и самими богатырями, и есть тѣ эпизоды, изъ которыхъ слагается народный эпосъ. Такимъ образомъ былина внесла въ свое содержаніе самый процессъ своего составленія и развитія. Кромѣ того, тѣ же былины, которыя мы теперь изучаемъ, были застольнымъ предметомъ разговоровъ между богатырями; потому что, всякій разъ какъ богатыри поразвеселятся отъ зеленаго

²⁰ Кирѣевск. II, 13. 36. 37. — IV, 67. 105. Рыбник. I, 249, 265, 319, 324, 370. — II, 31, 101, 110.

вина, они начинаютъ другъ передъ другомъ хвалиться своими подвигами. Сильный хвастаетъ силою, молодецествомъ, богатый — богатствомъ, кто добрымъ конемъ, кто старою матерью, кто молодою женой. Всѣ эти разговоры можно принять за содержаніе самихъ былинь о тѣхъ предметахъ, которыми пирующие между собою похваляются.

Какъ сами эпическіе пѣвцы становились героями былинь, на примѣръ Соловей Будимировичъ, Садко, Добрыня переряженный скоморохомъ, такъ и похвальба молодецкая давала содержаніе цѣлымъ былинамъ, на примѣръ похвальба Ставра своею женою. Стиль эпическій господствуетъ столько же въ былинахъ, какъ и въ похвальбѣ дѣйствующихъ лицъ и въ пѣсняхъ, которыми они потѣшались на пирахъ.

Какъ во времена богатырскія, на пирахъ князя Владиміра, скоморохи и калики перехожіе, будто гомерическіе рапсоды, пѣли отдѣльныя рапсодіи изъ народнаго эпоса,

557

который никогда не составлялъ законченнаго, округленнаго цѣлаго; такъ и въ наше время онъ распадается на множество отдѣльныхъ былинъ. Былины иногда начинаются припѣвками, изъ которыхъ открываются любопытныя отношенія пѣвцовъ къ публикѣ. Эти отношенія, вѣроятно, тѣже, какія были во времена оны, когда потѣшалъ пирующихъ какой-нибудь новгородскій Садко. Начиная былинку, пѣвцы иногда просятъ благословенія отъ хозяина:

Благословляй-ко, хозяинъ,
Благословляй, господинъ,
Старину сказать стародавнюю
Про молода Чурила сына Пленковича.

Иногда, приглашая гостей на пиру внимательно слушать они ожидаютъ себѣ отъ хозяина угощенія:

Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пива было:

Самъ бы испиль, да и намъ бы поднесъ.
Мы, малы ребята, станемъ сказывати,
А вы, старички, вы послушайте,
Что про матушку про широку про Волгу
рѣку.
Широка рѣка подь Казань подошла,
А пошире подалѣ подь Астрахань,
Великъ перевозъ подь Новымъ—
Городомъ.

Иногда, будто повторяя приказаніе самого
хозяина, пѣвцы начинаютъ такъ:

Кто бы намъ сказалъ про старое;
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца.

Окончивъ одну былину, пѣвцы переходятъ
къ другой, связывая ту и другую такую
припѣвкойю:

Эта старина кончается,
А другая начинается.

Чтобъ перенести слушателей въ поэтическій
міръ богатырской былины, иногда пѣвцы
будто берутъ нѣсколько смѣлыхъ
аккордовъ заманивающихъ вдаль и

сосредоточивающихъ вниманіе на
предметахъ высокой важности:

Высота ли высота поднебесная,
Глубота глубота Океанъ–море,
Широко раздолье — по всей земли,
Глубоки омуты — днѣпровскіе.

558

Въ нѣкоторыхъ припѣвкахъ во всей очевидности чувствуется импровизація пѣвца. Будто не зная какъ приступить прямо къ содержанию былины, онъ сначала робко скажетъ нѣсколько словъ о себѣ, потомъ броситъ бѣглый взглядъ на широкій ландшафтъ, остановится на какихъ–нибудь чудесахъ природы, и наконецъ не чувствительно въ эту общую картину вставитъ воспѣваемаго имъ богатыря. Вотъ какъ, на примѣръ, пѣвецъ приступаетъ къ былинѣ о Добрынѣ Никитичѣ:

Ты тулупъ ли мой, тулупчикъ, шуба
новая!

Я носилъ тебя, тулупчикъ, ровно тридцать
лѣтъ:

Обломилъ ты мнѣ, тулупчикъ, могучи
плечи.

Охъ ты поле мое, поле, поле чистое!

Заростало мое полюшко крапивушкой,

Что ни конному, ни пѣшему проѣзду
нѣтъ.

Пробѣжало тутю стадечко звѣриное,

Что звѣриное стадечко — сѣрыхъ
волковъ;

Напередъ бѣжить собака лютой Скимень
звѣрь:

Что на Скимень шерсточка булатная,

Какъ у Скимена уши что остро копье.

Прибѣжала воръ-собака ко Днѣпру рѣкѣ,

Становилась воръ-собака на крутой
берегъ,

Закричала воръ-собака по гусиному,

Зашипѣла воръ-собака по змѣиному:

Съ крутыхъ бережковъ песочекъ
пріусыпался,

Во Днѣпру рѣкѣ вода съ пескомъ
смутилась,

Что ни бѣла ли рыбушка на низъ
ушла.....

Круты красны бережечки зашатался,

Со хоромъ, братцы, вершечки
посвалялися.

Какъ зачуяль воръ—собака нарожденъице:
Народился на Святой Руси, на богатой,
Молодешенекъ Добрыня сынъ
Никитьевичъ.

Иногда, чтобъ ввести слушателей въ
событія далекой старины, пѣвецъ начинаетъ
съ предмета близкаго, во очію
представляющагося. Такъ пѣвецъ хочетъ
пѣть о пирахъ князя Владиміра, а
начинаетъ съ рѣки Волги, и слѣдя за ея
необъятнымъ теченіемъ, будто даетъ
понятіе о теченіи самаго времени, къ
древнѣйшимъ истокамъ котораго онъ
приглашаетъ своихъ слушателей:

Повышла, повыкатилась Волга матушка
рѣка,
Мѣстомъ шла она три тысячи,
Рѣкъ побрала она — того смѣты нѣтъ,
А перевозъ дала въ стольномъ городѣ во
Кіевѣ.

Волга довела пѣвца до Кіева. Теперь онъ уже и станетъ пѣть о кіевскомъ князѣ и его богатыряхъ.

Иногда теченіе Волги вставляетъ пѣвецъ въ общую раму широкой панорамы или точнѣе громаднago фронтисписа, гдѣ помѣщаются цѣлыя горы, озера, болота и лѣса:

Лѣсы темные, подходили лѣса ко городу
Смоленскому;

Горы—ты высокія Сорочинскія;

Чисты поля подходили ко городу ко
Обскову²¹;

Мхи да болота по Бѣлу—озеру;

Рѣки—озера по Синю морю.

Была какъ тутъ матушка Волга рѣка —

Широка и долга она,

Прошла она мимо Казань, Рязань и мимо

Астрахань,

Выпадала она устьемъ во Сине море,

Во море Синее, во Турецкое.

Добравшись по Волгѣ до Синя моря,
пѣвецъ на немъ останавливается и
описываетъ корабли Соловья Будиміровича,
плывущаго къ городу Кіеву.

²¹ Къ Опскову, ко Пскову.

Мы уже видѣли, какое сильное дѣйствіе оказали на Руси рѣки и прибрежный бытъ на самыя ранніе вымыслы народной фантазіи. Вѣрные поэтическимъ преданіямъ старины и родной почвѣ, пѣвцы и начинаютъ и оканчиваютъ свои богатырскія былины, прославленіемъ рѣкъ, будто онѣ вмѣстѣ съ своими слушателями сидятъ на берегу ихъ, какъ тѣ древнія племена, которыя, расселяясь по Руси, по свидѣтельству лѣтописи, садились на рѣкахъ, отчего и имена себѣ получали. Многія былины оканчиваются припѣвкой во славу всеславянской рѣкъ Дунаю:

Дунай, Дунай, Дунай.
Впередъ болѣ не знай —

или

Болѣ пѣть впередъ не знай²².

Итакъ, русская былина до нашихъ временъ помнитъ о тѣхъ поэтическихъ голосахъ, которые, по свидѣтельству Слова о полку

²² Вѣроятно, сокращенно, вм. *не знаю*

Игоревѣ вьются съ береговѣ стараго Дуная до стольнаго города Кіева²³.

560

Начавъ съ миѳовъ и богатырскаго быта, мы незамѣтно перешли ко внѣшней формѣ былинь, то есть, къ слогу; потому что самая тѣсная связь между содержаніемъ и языкомъ составляетъ отличительное свойство народной эпической поэзіи, которая зараждалась и развивалась вмѣстѣ съ зарожденіемъ и установленіемъ самыхъ формъ языка: такъ что иногда живое возрѣніе, проникнутое вѣрованіемъ, мѣтко схваченное словомъ, служило сѣменемъ для цѣлаго миѳа или сказанія; иногда цѣлое сказаніе сокращалось въ краткую фразу, которую былина изъ вѣка въ вѣкъ переносила въ постоянномъ эпитетѣ.

Не имѣя намѣренія утомлять читателей грамматическими тонкостями, я остановлюсь только на такихъ немногихъ подробностяхъ, въ которыхъ очевидна эта

²³ Кирѣевск. I, 1. 3. 4. 20. — II, 1. 2. 9. 61. — III, 1. — IV, 87. 99. Рыбник. I, 177. 325. — II, 14. 20. 44. 184. 351.

жизненная связь отдѣльнаго слова съ эпическимъ содержаніемъ.

Русскій языкъ въ народномъ эпосѣ называется по преимуществу человѣческимъ²⁴, какъ бы въ томъ смыслѣ, что всѣ прочіе языки — звѣриныя, согласно съ стариннымъ убѣжденіемъ, что и животныя говорятъ, только на непонятномъ, иностранномъ языкѣ. Татарскій языкъ иронически называется въ былинахъ телячьимъ. Эпитетъ языка — чистъ рѣчистъ языкъ. Кто говоритъ не чисто и нерѣчисто, тотъ нѣмой, то есть, Нѣмецъ, вообще иностранецъ. Въ поговоркахъ²⁵ нѣмчина слыветъ хитрою, безвѣрною, басурманскою. Кажется, Нѣмца русскій человѣкъ ненавидитъ больше Татарина; потому что пословицею говорить: «Нѣмецъ хоть и добрый человѣкъ, а все лучше повѣсить,» — между тѣмъ, какъ о Татаринѣ выражается: «Люблю молодца и въ Татаринѣ»; потому что татарское иго ужь никого не тяготитъ: «нынѣ про

²⁴ «Кто умѣетъ говорить русскимъ языкомъ, человѣческимъ?»
Спрашиваютъ Татары. Кирѣевск. 4, 39.

²⁵ Даля *Пословицы*, стр. 364 и слѣд.

татарское счастье только въ сказкахъ слыхать.»

Въ народномъ эпосѣ Орда называется славною, темною; Литва — храброю, поганою; Чудь — бѣлоголавою. Историческія столкновенія съ Польшею и Литвой и доселѣ воспоминаются въ пословицахъ и поговоркахъ: Полякъ (или Ляхъ) безмозглый, безначальный: ляхкая, жидовская, собачья вѣра. Литва беззаконная, долгополая, сиволапая, поганая. Ляхъ

561

и подь старость вретъ. Ляхъ и умираетъ, а ногами дрягаетъ. Чѣмъ дальше въ Польшу, тѣмъ разбою больше. Въ эпосѣ Литва и Орда употребляются даже въ нарицательномъ смыслѣ чужой земли вообще. Напримѣръ, заѣзжаго спрашиваютъ: «Ты коей земли, да ты коей орды?» Или: «Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы?» О странствіяхъ Потока

Михайлы Ивановича: «Ходиль молодець изъ орды въ орду.»

Посоль изъ чужой земли представляется въ видѣ татарскаго баскака, потому называется грознымъ. Заслуживаетъ вниманія, что татарщина въ глазахъ эпическихъ пѣвцовъ бросаетъ тѣнь на подъячество. Дъякъ или думный прозывается выдумщикомъ. Онъ является на Русь вмѣстѣ съ Батыемъ, между его сыновьями и зятьями, и приводитъ съ собою противъ Русскихъ силы сорокъ тысячъ. Эта подробность находить себѣ подтвержденіе въ литературныхъ памятникахъ времени татарщины. Такъ въ ростовской легендѣ о Петрѣ царевичѣ Ордынскомъ повѣствуется между прочимъ о татарскомъ баскакѣ, присланномъ отъ хана для рѣшенія юридической тяжбы между князьями и духовенствомъ о правѣ на владѣніе Ростовскимъ озеромъ²⁶.

Вѣроятно, въ противоположность басурманскимъ землямъ, Кіевъ называется въ былинахъ святымъ градомъ. Живетъ въ

²⁶ Рыбник. II, 34, 40. О ростовск. легендѣ см. въ моихъ *Историч. Очеркахъ*, во 2 части.

немъ честный народъ вольно-кіевскій.
Потому, согласно съ позднѣйшимъ,
православнымъ значеніемъ Кіева, о поѣздѣ
богатыря говорится въ обычномъ
выраженіи: поѣхаль онъ

Въ Кіевъ градъ Богу помолитися,
Кіевскому князю поклонитися.

Однако, несмотря на великую святость
Кіева, было время, когда обуяла его
басурманщина:

Не по старому въ Кіевѣ звонъ звонять,
Не просятъ милостыни спасенныя:
Обнасильничаль Идолище поганое.

Вообще должно замѣтить, что выраженіе
православныхъ идей въ народномъ эпосѣ
отличается необыкновенною наивностью.

562

Божья церковь величается матушкой.
Гость, входя въ палаты къ хозяину молится
чужимъ образамъ²⁷.

²⁷ Кирѣвск. III, 82. Рыбник. I, 246, 71, 72, 205, 206, 328. — II, 129, 131.
Кирѣвск. I, 33, 41. IV. —, 19. Рыбн. I, 284.

Впрочемъ языкъ богатырскаго эпоса во всемъ своемъ строѣ и въ мелкихъ подробностяхъ отзывается глубокою древностію, предшествующею татарщинѣ, и даже еще весьма мало подчинившеюся вліянію православныхъ идей. Понятія о жизни семейной выражаются въ неприкосновенной свѣжести самой ранней эпохи народнаго быта. Мужъ и жена другъ друга называютъ семьею, семеюшкою. Такъ Василиса Микулична называла Ставра «любимою семеюшкой, законною сдержавушкой». Наживать дѣтей, это семью сводить. Дитя уподобляется посѣву. Такъ Дунаю говоритъ жена его:

У меня съ тобой есть во чревѣ чадо
посѣяно,

Принесу тебѣ я сына любимаго...

Дай мнѣ младенца поотродити,

Свои хоть сѣмена на свѣтъ спустить²⁸.

Раннія преданія въ былинахъ о великанахъ удерживаютъ на себѣ отпечатокъ древнихъ воззрѣній, сохранившихся въ языкѣ. Какъ Несторъ въ своей лѣтописи говоритъ о

²⁸ Кирѣевск. II, 31, 35, Рыбник. I, 244, 332, 193, 185.

великанахъ Обрахъ, что они тѣломъ были велики и умомъ «горды»; такъ и былина характеризуетъ великана эпитетомъ гордый. Въ противоположность «ретивому» сердцу богатырей, у великановъ сердце черное. Олицетвореніе рѣки Дуная въ образѣ богатыря сопровождается перенесеніемъ и самаго эпитета отъ рѣки къ ея богатырскому образу. Потому въ былинахъ воспѣвается тихій Дунаюшка²⁹.

Богатырскія былины, съ которыми читатели могли познакомиться на этихъ страницахъ, далеко не исчерпываютъ необъятнаго содержанія русскаго народнаго эпоса. По изображенію народнаго быта, онѣ только первая ступень его историческаго развитія. Мы остановились на татарщинѣ, которая налагая тяжелую руку на богатырскую былинку, вноситъ анахронизмы въ эпическій циклъ пировъ князя Владиміра, и потомъ, оставляя позади себя

²⁹ Рыбник. I, 314, 313, 187.

богатырей, даетъ эпосу новый видъ, сближая былину съ умильными повѣстями и лѣтописными сказаніями о татарскихъ погромахъ и съ легендами о томъ, какъ Татары оскверняли святыни и мучили князей, которыхъ потомъ церковь причисляла къ лику святыхъ. Черезъ татарщину богатырскій эпосъ переходитъ уже къ собственно историческому.

Съ другой стороны грамотность вноситъ новые элементы въ народную поэзію, и частію производитъ въ эпическомъ вымыслѣ странную путаницу разными книжными намеками, то на средневѣковую Александрію, то на притчи о семи мудрецахъ, то на разные апокрифы, частію даетъ содержаніе цѣлымъ стихотворнымъ повѣстямъ, напримѣръ, о Соломонѣ и Катоврасѣ, и наконецъ выражается въ обширномъ циклѣ духовныхъ стиховъ.

Историческая былина, внося въ себя легендарное содержаніе, сливается съ духовнымъ стихомъ; и наоборотъ, духовный стихъ, разбавляясь народнымъ

миѳомъ или прицепляясь къ историческому факту, переходить въ эпизодъ то миѳическаго, то историческаго эпоса.

Чтобы выдѣлить разнородные элементы изъ этой хаотической смѣси, надобно было сначала разсмотрѣть менѣе сложныя, первичныя основы народнаго эпоса въ пѣсняхъ богатырскихъ. Сборники Кирѣевскаго и Рыбникова предлагаютъ богатый матеріаль во множествѣ вариантовъ одной и той же былины. Надобно было распутать противорѣчія вариантовъ, и одинъ вариантъ дополнять другими, отличая первоначальное отъ позднѣйшей примѣси.

Остается прибавить нѣсколько словъ о самомъ изданіи обоихъ сборниковъ. Прежде всего слѣдуетъ повторить сказанное уже въ началѣ нашего обзора, что и собраніемъ и обнародованіемъ этихъ драгоценныхъ матеріаловъ наука обязана такъ-называемой партіи славянофильской. Сборникъ Кирѣевскаго, заслужившій почетную извѣстность еще въ рукописи, больше четверти столѣтія былъ ожидаемъ въ печати всеми интересующимися

славянскою народностію, пока наконецъ Общество Любителей Россійской Словесности не удовлетворило общему ожиданію, достойно заявивъ тѣмъ о своей полезной дѣятельности. О высокомъ интересѣ сборника Рыбниковскаго, собраннаго изъ устъ народа въ самое короткое время, достаточно будетъ сказать то, что

564

онъ не только ничего не теряетъ при изданіи пѣсенъ Кирѣевскаго, но даже дополняетъ его едва ли не самыми лучшими вариантами, не говоря уже о томъ, что содержитъ въ себѣ много вовсе неизвѣстныхъ г. Кирѣевскому былинь. Незначительное время, употребленное г. Рыбниковымъ на собраніе этихъ сокровищъ, съ одной стороны свидѣтельствуетъ о воодушевленной ревности собирателя и объ его необыкновенномъ литературномъ тактѣ, съ другой стороны — о томъ, какъ еще

неистошимо богата русская народность превосходными эпическими произведеніями ожидающими счастливаго собирателя на всѣхъ концахъ нашего великаго отечества.

Изданіе пѣсень Кирѣевскаго поручено было отъ Общества Любителей Россійской Словесности г. Безсонову. Издатель приложилъ къ сборнику пѣсень выписки изъ лѣтописей о богатыряхъ, нѣкоторыя сказки, замѣтки г. Даля, К. С. Аксакова и самого Кирѣевскаго, и сверхъ того снабдилъ пѣсни подробнымъ указателемъ. Приложенія эти значительно облегчаютъ изученіе сборника. Тотъ же издатель, вмѣстѣ съ г. Хомяковымъ, завѣдывалъ печатаніемъ пѣсень г. Рыбникова.

Для превосходныхъ сборниковъ нашелся въ лицѣ г. Безсонова самый ревностный издатель, который по достоинству умѣетъ цѣнить родное слово.

Очень хотѣлось бы намъ этими словами заключить свой отзывъ. Но, къ сожалѣнію, г. Безсоновъ не ограничился скромною долей старательнаго издателя, и задумалъ связать въ исторіи русской науки съ этими

превосходными сборниками свою ученую репутацию, какъ глубокомысленнаго философа, открывшаго въ русскихъ пѣсняхъ и сказкахъ точно такой же миѳологическій процессъ, какой знаменитый философъ Шеллингъ излагаетъ въ своей философіи Миѳологіи. Философія г. Безсонова, подъ скромнымъ заглавіемъ замѣтокъ, занимаетъ едва ли не столько же мѣста въ обоихъ сборникахъ, какъ и самыя пѣсни.

Можетъ-быть, что смѣлыя сближенія г. Безсонова, въ настоящее время немислимая и не оправдываемая здравою критикой, въ послѣдствіи получаютъ цѣну непреложныхъ истинъ, какъ на примѣръ, сближеніе, даже отождествленіе греческаго Геркулеса съ русскимъ Тараканомъ, Таракашкою, финикійскаго божества Мелькарта съ извѣстнымъ шутомъ Морольфомъ

и съ сказочнымъ Маркомъ богатымъ гостемъ греческаго Гермеса или Меркурія съ волокитою Чуриломъ Пленковичемъ и съ Бермятою, котораго онъ надувалъ вмѣстѣ съ его женою.³⁰ Можетъ—быть, въ сказочномъ вымыслѣ о томъ, какъ Иванушка дурачокъ оборачивается въ разныхъ звѣрей или какъ онъ влѣзаетъ въ ухо къ Сивкѣ Буркѣ выражается міровая идея о скривательствѣ, которое по теоріи г. Безсонова «обозначаетъ въ конечной цѣли обращеніе къ средоточію человѣческаго духа»;³¹ можетъ—быть, этотъ же затѣйливый Иванушка «переходитъ въ Микулу» а «богатыри, каждый отдѣльно, соотвѣтствуютъ разнымъ чертамъ Ивана.»³² Можетъ—быть, со временемъ будетъ признано за непреложную истину, что наша сказочная Василиса есть — «не только Афродита, но и Деметра, любящая Ивана, блуждающая съ нимъ также точно по тремъ царствамъ, отыскивая сѣмена человѣческаго духа»; очень можетъ—быть,

³⁰ Замѣтк. ко 2-й части Рыбник. 163. 164. Къ 4-му выпуску Кирѣвск. 78 и слѣд.

³¹ Замѣтка къ 3-му вып. Кирѣвск. 17.

³² Замѣтка къ 4-му вып. Кирѣвск. 171—172.

что Авдотья Лиховидьевна Лебедь Бѣлая, жена Потока Михайлы Ивановича есть «его сознание, его совесть, подпавшая процессу», и что «его спасение — въ живой водѣ, въ крещеніи, въ переменѣ существа и имени, въ церковномъ звонѣ»; можетъ быть, что благодаря всѣмъ этимъ звѣринымъ мытарствамъ, черезъ которыя пробирался Иванушка Дурачокъ съ своею Василисой «славяно–русскій народъ явился какъ бы вдругъ совершенно готовымъ къ христіанству и какъ бы съ разу удостоился сдѣлаться лучшимъ сосудомъ высшаго изъ христіанскихъ вѣросознаній, православія.»³³

Еслибы г. Безсоновъ все это помѣстилъ въ комментаріяхъ къ философіи Шеллинга, тогда обязанностію критика было бы показать, въ какой мѣрѣ приложимы взгляды этого философа къ сказкамъ вообще, и къ русскимъ въ особенности, и не покажутся ли кому–нибудь неумѣстной шуткой надъ знаменитою философіей миѳологіи эти доморощенные представители

³³ Замѣтка къ 4–му вып. Кирѣевск. 174–5. 158. 172.

средоточія и сѣмень человѣческаго духа въ образѣ Ивана Дурачка или Таракашка; потому

566

что едва ли серьезно выражается г. Безсоновъ, когда увѣряетъ, что «для Русскаго Иванъ и какой-нибудь Таракашка ближе Геракла, не менѣе его сдѣлали, не подлежатъ забвенію, и какъ выразители пройденнаго пути, и какъ образы творчества.»³⁴ Но любопытно было бы знать, съ какою цѣлью всѣ эти отвлеченности помѣщены въ замѣткахъ при былинахъ, имѣющихъ для публики болѣе широкій интересъ нежели философскіе комментаріи къ какой бы то ни было философской системѣ? вмѣсто объясненія, не затемняютъ ли онѣ простой смыслъ русскихъ былинъ и не собьютъ ли онѣ съ толку какого-нибудь неопытнаго читателя, который запасется этими сборниками для

³⁴ Замѣтка ко 2-й части Рыбник. 164–5.

безхитростнаго знакомства съ русскою народностью?

Очень понятно, что г. Безсоновъ, въ пылу философскихъ соображеній, могъ увлечься своими открытіями, и съ извинительнымъ сознаниемъ своего достоинства, могъ съ гордостью сказать, что «такой неожиданный успѣхъ» (какимъ увѣнчиваются его открытія) налагаетъ на него «нравственный долгъ, для пользы другихъ», изложить всю эту теорію миѳологическаго процесса въ образованіи русской земщины; г. Безсоновъ могъ позволить себѣ печатно выразить даже и такую пріятную надежду: «Надѣмся, говоритъ онъ, что нѣкоторыя наши указанія и пріемы не останутся въ этомъ случаѣ безъ пользы для послѣдователей.»³⁵ Понятно, почему г. Безсоновъ, поднявъ себя на высоту основателя новой школы изученія народности, долженъ былъ уже съ презрѣніемъ отзываться о нашихъ ученыхъ или о нашихъ миѳологахъ, какъ вообще называетъ онъ нарицательно всю эту

³⁵ Замѣтка къ 4-му вып. Кирѣевск. 114. 183.

мелкую толпу, посягавшую до него сказать что-нибудь о русской народности. «Уважая степень потраченного на все это трудолюбія, равняющуюся развѣ только одной ограниченности дѣятелей (такъ говорить онъ объ этой толпѣ), всякій обязанъ антиквировать эти зады народной своеобразной русской науки, во имя науки подлинной и современной, какъ бы ни сердились старцы съ высоты каѳедръ и ученыхъ степеней». «Нужно только дивиться бездарности нашихъ миѳологовъ» и т. п.³⁶.

567

Странно и непонятно только одно, какъ цѣлое Общество Любителей Россійской Словесности столько увлеклось оригинальными комментаріями на философію миѳологіи Шеллинга, добытыми г. Безсоновымъ изъ русскихъ сказокъ, что разрѣшило издателю присовокупить эти комментаріи къ драгоценнымъ матеріаламъ

³⁶ Ко 2-й части Рыбник. 363. Къ 4-му вып. Киѳевск. 74.

народнаго эпоса, собраннымъ такимъ знатокомъ народности, какъ г. Кирѣевскій. Отъ кого же, какъ не отъ Общества Любителей Русской Словесности, надобно ожидать должнаго уваженія къ литературнымъ матеріаламъ? Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, никто не имѣетъ права бросать тѣнь подозрѣнія на Общество. Оно знало высокую цѣну сокровищъ, завѣщанныхъ покойнымъ Кирѣевскимъ, оно даже заявило себя похвальною дѣятельностью по изданію ихъ³⁷. Только, къ крайнему сожалѣнію, оно поспѣшило подчиниться авторитету этихъ философскихъ комментаріевъ, и, принявъ за чистую монету авторскую ревность издателя, смѣшало общенаціональное, всероссійское дѣло съ мелкими увлеченіями личнаго тщеславія. Только этимъ однимъ можно объяснить, почему Общество покрыло авторитетомъ своего почетнаго имени всѣ эти непристойныя выходки. Но и здѣсь, намъ кажется, Общество поступило не совсѣмъ осторожно. Въ

³⁷ И пишущему эти строки пріятно принадлежать къ Обществу, которое издаетъ сборники Кирѣевского.

такомъ классическомъ изданіи, какъ пѣсни Кирѣевскаго, ему не слѣдовало допускать голословнаго осужденія какихъ-то нашихъ ученыхъ вообще, не слѣдовало профанировать это изданіе болѣзненною горячностью, съ которою г. Безсоновъ преслѣдуетъ какіе-то призраки, называя ихъ общимъ именемъ нашихъ ученыхъ, до которыхъ публикѣ нѣтъ никакого дѣла, и безъ угомону воюетъ съ ними только для собственной потѣхи. Если уже надобно было коснуться ученыхъ мнѣній, которыя слѣдовало опровергнуть, то авторитетъ самого изданія и Общества Любителей Россійской Словесности обязывалъ, чтобъ эти ложныя мнѣнія были обозначены въ извѣстномъ порядкѣ, принятомъ ученою критикой, то-есть съ указаніемъ именъ ихъ авторовъ, книгъ или статей гдѣ эти мнѣнія высказаны. Въ такомъ серіозномъ дѣлѣ какъ изданіе народныхъ памятниковъ, надобно открыто идти на врага, называть его

по имени и поражать его на основаніи его собственныхъ словъ. Самыя замѣчанія къ изданію матеріаловъ должны содержать въ себѣ точные факты, руководящіе при изученіи, а не тревожную сутолоку разгулявшагося самолюбія, которое, будто въ лихорадочномъ бреду, дразнить себя фантастическими тѣнями какихъ-то нашихъ миѳологовъ и филологовъ. Наконецъ, если ужь Общество Россійской Словесности на слово повѣрило г. Безсонову, что онъ открылъ тайну русской народности и потому сталъ великимъ человѣкомъ, то все же уваженіе къ національнымъ матеріаламъ и къ памяти покойнаго Кирѣевскаго обязывало издать философскіе комментаріи г. Безсонова отдѣльною книгой, а не въ тѣсной связи съ былинами, какъ ихъ объясненія.

А что, если всѣ эти невысказанные умозрѣнія объ углубленіи человѣческаго духа въ звѣриныхъ формахъ Иванушки Дурачка или нашего доморощеннаго Геркулеса Тараканчика, окажутся ни больше ни

меньше, какъ пародіей на знаменитое произведеніе Шеллинга, — на комъ будетъ тогда отвѣтственность, что этою непристойною шуткой почтили память знаменитаго патріота, всю свою жизнь посвятившаго собранію народныхъ русскаго пѣсень? Г. Безсоновъ въ сторонѣ. Онъ увлекся своею геніальностью, онъ разсердился на какихъ-то своихъ враговъ, которые наводятъ на него кошмаръ. Другіе увлекались и хуже его. Онъ по крайней мѣрѣ не бросаетъ грязью въ свою родную сторону; онъ ее любитъ, какъ ревнивый любовникъ, и готовъ всякому выцарапать глаза, кто рѣшается приблизиться къ его обожаемому предмету. Пусть эта любовь неестественна, какъ болѣзненная ревность мужа, который ищетъ любовника своей жены подъ комодомъ; пусть эта ученая ревность отзывается немилосердою монополіей, которая хочетъ взять себѣ на откупъ даже такую всеобщую собственность какъ народность. Пусть ѳиміамъ, которымъ онъ кадитъ русской земщинѣ, застилаетъ ему глаза, и только

сгущаетъ тотъ мракъ, въ которомъ мерещатся ему злые духи, подъ видомъ какихъ-то нашихъ ученыхъ, и подзадориваютъ его раздраженную фантазію.

Чтобы сложить съ себя тяжелую отвѣтственность передъ публикой, Общество поступило бы весьма осмотрительно, еслибы по крайней мѣрѣ въ оставшихся экземплярахъ

569

пѣсень Кирѣевского, распорядилось отдѣлить замѣтки г. Безсонова отъ матеріала, пустивъ то и другое въ продажу отдѣльными книгами.

Иное дѣло — замѣтки г. Безсонова при сборникѣ г. Рыбникова. Это личное дѣло собирателя. Если онъ надѣется, что замѣтки издателя не покажутся неумѣстной наянливостію авторскаго тщеславія — прицѣпить свое имя къ важному національному дѣлу, если наконецъ самъ онъ доволенъ и философствованіемъ и

выходками г. Безсонова, то никто не въ правѣ обвинять его. Во всякомъ случаѣ, г. Рыбниковъ оказалъ важную услугу изученію русской народности; и если его имя постановятъ со временемъ въ исторіи литературы рядомъ съ именемъ Кирши Данилова, то въ настоящемъ случаѣ можно только пожалѣть, что онъ нашель себѣ въ лицѣ г. Безсонова не такого осторожнаго издателя, каковъ былъ Калайдовичъ для пѣсень Кирши Данилова.

Впрочемъ, даже въ сборникѣ г. Рыбникова эти замѣтки очень не кстати по одной важной причинѣ, какъ бы имъ ни сочувствовалъ г. Рыбниковъ, — именно по отсутствію надлежащаго спокойствія, то-есть, по внутреннему противорѣчію съ самымъ существомъ изданныхъ матеріаловъ. Странно, что такая всепримиряющая сила, такое величавое торжественное спокойствіе, какимъ дышетъ народный эпосъ, подѣйствовали на голову г. Безсонова тревожнымъ раздраженіемъ его разгулявшася самолюбія и озлобленною нетерпимостью ко всѣмъ, кто

думаетъ не такъ, какъ онъ. Кажется, будто всѣ эти прекрасныя былины г. Безсоновъ выдаетъ за свою личную собственность и тычетъ ими въ глаза своимъ фантастическимъ врагамъ. Въ своихъ философствованіяхъ воодушевляется онъ не столько содержаніемъ издаваемыхъ матеріаловъ, сколько своею особой, которую будто бы ежеминутно укалываютъ иглою его воображаемые злодѣи.

Непримирительно и неуспокоительно подѣйствовалъ народный эпосъ на особу, которую славянофилы выбрали изъ своей среды для изданія самыхъ дорогихъ для русскаго сердца сокровищъ народной поэзіи. Но нѣтъ ли, можетъ-быть, историческаго, разумнаго оправданія въ этомъ лирическомъ раздраженіи, воспитанномъ торжественною тишиной широкаго теченія эпическихъ былинь? Извѣстно,

что славянофилы вообще не отличались терпимостію мнѣній и любили переносить въ литературу неугомонную горячность богатырскихъ натуръ временъ князя Владиміра. Не означаетъ ли это явленіе, что спокойствіе народнаго эпоса возможно въ бессознательной массѣ поколѣній? Но какъ скоро народный эпосъ подчиняется ученымъ изслѣдованіямъ и литературной разработкѣ, онъ теряетъ свою первобытную чистоту, разлагается на части, и производитъ въ умахъ новое броженіе, совершенно несогласное съ невозмутимымъ спокойствіемъ эпической фантазіи.

Ученые подвиги г. Безсонова не представляютъ ли образчика этого болѣзненнаго разложенія нѣкогда согласныхъ и спокойныхъ элементовъ народнаго эпическаго творчества? Если это такъ, то надобно только пожалѣть измученнаго этимъ процессомъ ученаго издателя, который принесъ себя въ жертву общей пользѣ, прошедши по бесплодному пути единственно для того чтобы

**предотвратить другихъ отъ такой же
попытки.**

Ө. БУСЛАЕВЪ.